ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 46 (2309). Суббота, 16 ноября 1946 г. Цена 45 коп.

Сегодня в номере:

1 стр. **Передовая.** Выполнить свой долг перед народом! **Г. Ломидзе.** Великий грузинский поэт. **Ю. Либединский.** Узбекистан сегодня. **Информация.** Собрание писателей и интеллигенции Праги. Румынские писатели в СССР.

2 стр. **Д. Заславский.** О Достоевском. **Костас Корсакас.** Литовская советская литература. **Илья Эренбург.** Американские впечатления. **Информация.**

3 стр. **А. Мацкин.** Полуправда очевидца. **Сергей Иванов.** Неудавшийся замысел. **А. Куторкин.** Сборники мордовской литературы. **И. Крути.** Театр и его автор.

4 стр. **А. Исбах.** «Знакомство с Советским Союзом». **В. Лидин.** Книжная лавка писателей. **Информация.** На собраниях поэтической секции. Восстановление памятных мест литературной старины. В президиуме ССП Украины. У писателей Литвы.

ВЫПОЛНИТЬ СВОЙ ДОЛГ ПЕРЕД НАРОДОМ!

Всенародный праздник Великой Октябрьской социалистической революции советские люди отметили новыми трудовыми достижениями. На территории всей нашей необ'ятной страны идут великие работы по осуществлению новой сталинской пятилетки. Советский народ охвачен единым творческим порывом — он решает трудные задачи, он обратил все свои усилия на ликвидацию тяжелых последствий войны, на дальнейшее упрочение и развитие могущества нашей Родины.

Товарищ А. А. Жданов в своем докладе на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1946 г. подчеркнул величайшее значение социалистического сознания, как фактора общественного развития нашей страны:

«Социалистическое сознание, — сказал он, — ускоряет движение советского общества вперед, умножает источники его силы и могущества. Поэтому неуклонное повышение политического и культурного уровня народа составляет жизненную потребность советского строя».

Эти слова очень точно определяют направление и сущность задач, стоящих перед советской литературой.

Мы живем в эпоху социализма, в обществе, организованном на научных началах. Учение величайших деятелей человечества — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина — стало действенным средством переустройства и созидания жизни. Грандиозные успехи советского народа в области экономики, культуры, идеологии, победа социализма в нашей стране, — стали возможны только потому, что партия — главная руководящая сила нашего народа — неизменно и последовательно осуществляла великое учение Ленина—Сталина. Всегда побеждала и побеждает политика партии Ленина—Сталина, являющаяся образцом подлинно научной политики.

Наше советское государство черпает свои силы в просвещении народных масс, в росте и укреплении народного сознания. Грандиозные задачи, которые ставила и ставит партия, решались и будут решаться сознательным участием миллионов.

За прошедшие десятилетия, благодаря усилиям партии, в миллионах людей воспитано высокое социалистическое сознание, выросли поколения новых, советских людей, глубоко понимающих политику своего государства, своей партии и готовых на подвиг ради победы нашего правого дела. «Социалистическое общество, — учит товарищ Сталин, — предполагает достаточно развитые производительные силы и социалистическое сознание людей, их социалистическое просвещение». С ростом сознания советского человека, по мере освобождения его от пережитков капитализма, победы социалистической сознательности, приближаемся мы к великой цели — к коммунизму.

Отсюда следует, что задача, которую партия ставит перед писателем — задача воспитания широких народных масс, — составляет жизненный долг писателя, смысл его участия в борьбе за строительство коммунизма.

Указания партии дают нам в руки самую точную меру для определения достоинства писательского труда и его плодов. Помогает ли произведение росту социалистического сознания, укрепляет ли оно веру в свои силы у нашей молодежи, воспитывает ли твердость духа, мужество и способность преодолевать трудности, внушает ли любовь к отчизне и преданность идее, прививает ли навыки социалистического общежития, — таковы критерии нашего отношения к искусству. Разумеется, все это прямо противоположно канонам так называемого «чистого искусства», служители которого имеют претензию на полную свободу от каких-либо нравственных и общественных идеалов. Это отношение к творчеству, этот подход к произведениям искусства с позиций общественной борьбы унаследован советской литературой от великих деятелей революционной демократии, таких, как Чернышевский и Добролюбов, ему были верны Горький и Маяковский, он оправдан десятилетиями славного развития искусства в Советской стране. Ленин писал, что литература должна быть «составной частью организованной, планомерной, об'единенной» работы партии.

Партия требует от писателей прямого и деятельного участия в общенародном деле, партия призывает нас «воспитать отважное племя строителей социализма» (А. Жданов).

Последние решения партии по вопросам литературы и искусства представляют собой боевую программу развития советской художественной культуры на длительный период. Именно так понимает их огромное большинство советских писателей.

Но приходится слышать в литературной среде и такие голоса, в которых звучат благодушие и самоуспокоенность. Иные товарищи искренне полагают, что поскольку постановление обсуждалось на известном количестве заседаний, то значит оно... выполнено. Более того, некоторые товарищи, из соображений ведомственных, торопятся об'явить, что, мол, уже «наступил перелом», «имеются достижения» и тем самым как бы приглашают ослабить критику и вернуться в атмосферу взаимных приятельских восхвалений...

Бесспорно, указания Центрального Комитета партии, с воодушевлением воспринятые писательской общественностью, дали ощутительный толчок развитию литературного дела, привели к тому, что работники литературы в большей степени, чем прежде, ощутили свою ответственность перед народом, яснее поняли свой гражданский долг. Решения ЦК ВКП(б) об искусстве положили начало новому этапу развития советской литературы, стимулировали ее под'ем.

Но будем помнить, что эти решения только тогда смогут считаться выполненными, когда мы, писатели Советской страны, дадим отечеству новые романы, поэмы, пьесы, проникнутые духом большевистской идейности и образцовые по форме.

Для того, чтобы выполнить требования партии, писателю нужно работать, не покладая рук, по-большевистски не мириться с отсталостью, разоблачать зазнайство, повышать мастерство, постоянно обогащать себя теоретическим знанием и учиться прилагать это знание к явлениям действительности.

Великие и благородные задачи стоят перед писательским отрядом советской интеллигенции.

«Нет никакого сомнения в том,—сказал в своем докладе 6 ноября тов. Жданов, — что армия наших пропагандистов, литераторов, работников искусств, учителей, работников науки, как и вся советская интеллигенция, достойно выполнит свой долг».

СОБРАНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПРАГИ

ПРАГА. (ТАСС). Пятого ноября в Славянском доме состоялось большое собрание писателей и интеллигенции города Праги. Собрание открыл кратким вступительным словом проф. Зд. Неедлы. С докладом «О путях развития советской литературы» выступил тепло встреченный аудиторией А. Фадеев. Доклад тов. Фадеева неоднократно прерывался бурными овациями.

«Девяносто лет тому назад,— сказал А. Фадеев,—в глухой деревушке около Турчанского Святого Мартина умирал знаменитый словацкий поэт Штур. У его изголовья до последнего вздоха стоял не менее знаменитый его друг Янко Краль. Тяжело им было, одиноким, в то время. Но они до конца были преданы своему народу. Чешский и словацкий народы могут гордиться, что они имели знаменитых писателей и поэтов-демократов, которые верно служили своему народу. И поэтому, — говорит А. Фадеев, — когда меня спросили: «На какую культуру надо чехам и словакам ориентироваться, — на западную или восточную»,—я ответил: «Ориентируйтесь на самих себя». У вас великое прошлое! Но русская и чехословацкая культуры очень близки друг другу своим демократическим, свободолюбивым народным характером. Для русской литературы вопрос, на кого ориентироваться, не стоит уже со времен Жуковского, не стоит этот вопрос и для чехословацкой литературы. Если ее до сих пор мало знают и не читают на Западе, то это их беда. Придет время — узнают!

Заграничная печать, в особенности в Праге,—заявил далее А. Фадеев,—уделяет очень много внимания критике таких писателей, как Зощенко и Ахматова. Я должен сказать, что таких, как Зощенко, за последнее время много развелось на задворках западно-европейской буржуазной литературы. Все они потеряли веру в человека и рисуют его гадким и отвратительным. Ну, а мы, советские люди, не потеряли веры в советского человека, мы видим его мужество и стойкость:—его прекрасный характер. Поэтому мы не хотим такой литературы, которая выходит из-под пера Зощенко.

Что касается Ахматовой,— сказал А. Фадеев,—то мы не хотим, чтобы наш народ и в частности наша молодежь питалась пессимистическими, упадочническими произведениями. У нашего народа великое прошлое и прекрасное будущее, и мы должны показать это во всем величии.

Я не понимаю,— говорит далее А. Фадеев,—зачем местной газете «Свободне Новины» понадобилось на своих страницах печатать произведения Зощенко? Зачем нужно собирать об'едки с чужого стола, выброшенные в мусорный ящик, когда перед вами прекрасно накрытый стол, за которым сидят ваши великие классики; когда рядом с этим столом—стол великого русского брата, за которым сидят гении, начиная от Пушкина и кончая Горьким. К этим столам приглашены мы, современные советские и чехословацкие писатели. Я думаю, — подбурные аплодисменты резюмирует А. Фадеев, — что путь собирания об'едков с чужого стола может привести только в болото.

Пора понять, — говорит в заключение А. Фадеев,—величие и мировое значение великой славянской культуры и литературы. Мы не за страх, а за совесть учились в свое время у западной культуры. Мы и впредь не зарекаемся от этого. Но мы должны помнить, что мы всегда вкладывали немало в развитие мировой культуры и пришло время, когда Запад у нас может многому поучиться, когда мы можем сами учить других.

Я призываю вас к тому, чтобы мы не кланялись в пояс всему, что идет с Запада, а все выше, выше и выше поднимали и с гордостью несли знамя нашей славянской культуры».

Присутствующие на собрании ответили бурной овацией на заключительные слова А. Фадеева. После доклада А. Фадеев ответил на заданные ему вопросы.

ПРИВЕТ ЧЕШСКИХ ДРУЗЕЙ

Союз советских писателей СССР получил из Праги телеграмму:

«Чешские писатели поздравляют вас с годовщиной великой русской революции и желают дальнейших успехов Советскому Союзу, советскому народу и советской литературе.

Союз чешских писателей».

22-й конгресс болгарских народных читален

СОФИЯ. (ТАСС). 10 ноября открылся 22-й конгресс болгарских народных читален.

Народные читальни в Болгарии всегда были центром единения сил народа для борьбы против духовного и политического рабства. В настоящее время народные читальни активно участвуют в жизни новой Болгарии Отечественного фронта. 3.630 читален в стране об'единяют свыше 300 тысяч членов. В этом году союз читален провел 280 читательских конференций, организовал 144 доклада и 24 чтения, в которых принимали участие лучшие писатели Болгарии. Книжный фонд читален превысил 2 миллиона томов. Читальни роздали в этом году около 1.400.000 книг,

На конгресс союза читален с'ехалось более тысячи делегатов. С приветственным словом выступил академик Тодор Павлов. Участники конгресса единодушно избрали основателя Отечественного фронта Г. Димитрова почетным председателем высшего совета союза читален.

В своей беседе с членами административного совета союза читален Г. Димитров указал на необходимость усиления роли культурно-просветительных комитетов в борьбе с союзниками реакции — темнотой и невежеством. Необходимо, сказал Г. Димитров, уничтожить все остатки фашистской идеологии и великодержавного шовинизма, который еще продолжает существовать, особенно среди учащейся молодежи.

Советской общественности и писателям

Телеграмма из Софии

В день годовщины Октябрьской революции — великого праздника советского народа, символа надежды всего прогрессивного человечества — болгарские писатели вместе со всем болгарским народом посылают советской общественности и писателям, так смело, честно и по-братски защищающим правое дело Болгарии, свои задушевные и пламенные поздравления. Великая Октябрьская социалистическая революция, создавшая Советский Союз и его непобедимую Красную Армию, — величайшее событие в истории человечества. Наш народ, принесший бесчисленные жертвы в борьбе с фашизмом, празднует этот день, как свой собственный праздник, с твердой верой в конечное торжество правды и справедливости.

Сейчас, когда международная и внутренняя реакция все еще пытается воспрепятствовать правильному демократическому развитию нашего народа, Советский Союз и другие славянские страны приходят нам на помощь, способствуют установлению прочного и справедливого мира. Болгарские писатели, вдохновляемые великими гуманистическими идеалами Октябрьской революции, обращают свои взоры к сердцу мира—Москве, восхищаясь необыкновенным примером труда, героизма и доблести, указывающим дорогу всему человечеству. Да здравствует Великая Октябрьская социалистическая революция! Да здравствуют непобедимый Советский Союз и его доблестная Красная Армия! Да здравствует и да преуспевает могучая, ведущая и направляющая советская литература!

Людмил Стоянов — председатель Союза болгарских писателей.

ВЕЛИКИЙ ГРУЗИНСКИЙ ПОЭТ

Исполнилось сто лет со дня смерти Александра Чавчавадзе. Григол Орбелиани называл его «чудесным соловьем», Акакий Церетели — «сладкозвучным поэтом». Нежные, мужественно-строгие стихи Ал. Чавчавадзе снискали ему славу первоклассного поэта.

Творческая биография Чавчавадзе тесно связана с романтическим направлением грузинской поэзии, отмеченной именами таких больших поэтов, как Николоз Бараташвили и Григол Орбелиани.

Ал. Чавчавадзе по праву считается «патриархом» плеяды поэтов-романтиков. Первому среди них ему пришлось открывать путь в будущее, настойчиво ломать каноны восточной, преимущественно иранской поэзии, господствовавшей в то время в грузинской литературе. Ал. Чавчавадзе стремился освободиться от ее чрезмерной афористичности, изнурительного многословия, ходульности. Широко распространенная восточная стихотворная форма «мухамбази» зазвучала у Чавчавадзе совершенно по-иному. Он не придерживается обязательного для «мухамбази» пятистишия, разорванности и фрагментарности конструкции. «Мухамбази» обычно строился, как нанизывание отдельных замкнутых высказываний, не скрепленных цельной художественной мыслью. «Мухамбази» у Чавчавадзе — стройный и цельный монолог поэта, произнесенный одним глубоким дыханием, это сюжетно-повествовательная лирическая исповедь. Порывая с восточно-иранской поэтикой, Ал. Чавчавадзе тяготел к лучшим образцам русской и западноевропейской литературы. Он был увлечен творческой мощью Пушкина. Голос Пушкина впервые зазвучал на грузинском языке в его переводах. Чавчавадзе перевел стихи Пушкина: «Пробуждение», «Друзьям», «Анчар», отрывок из «Медного всадника». Не только «сладкозвучие» привлекало Чавчавадзе в Пушкине, а широта и глубина мысли поэта, его огромный гуманистический пафос, его свободолюбие. Чавчавадзе сознавал огромное значение передовой русской культуры для развития и духовного обогащения грузинской литературы. Чавчавадзе правильно понял значение России для исторических судеб Грузии. Идея братства Грузии с Россией ярко выражена поэтом в его стихотворении «Кавказ»:

Но север путь пробил сквозь тьму
тяжелых лет—
И на Иверию сошли покой и свет.

Поэт иногда обращает взгляд в прошлое и тогда погружается в грустные воспоминания о былом угасшем величии Грузии. Грусть, посещавшая поэта, все же не могла одолеть его страстное жизнелюбие, жажды радости. В любовных стихах Ал. Чавчавадзе много веселой игры воображения.

Только любя жизнь, можно бороться за ее изменение, осмысливать и исправлять ее. Много невеселого, тяжелого и оскорбительного видел поэт в окружающем. Стихотворение его «Горе миру сему» проникнуто страстной обличительностью, пафосом гневного отрицания жизненных правил, основанных на угнетении человека человеком. Чавчавадзе отвергает мир, где царствует жестокий закон порабощения «простых людей».

Традиции Чавчавадзе были развиты и углублены молодым поколением поэтов. Начатую Ал. Чавчавадзе борьбу за освобождение грузинской поэтической культуры из-под иранского влияния блестяще осуществил великий Николоз Бараташвили.

Родился Ал. Чавчавадзе в 1786 г. в Петербурге, в семье крупного государственного деятеля Гарсевана Чавчавадзе. В 1799 г. Чавчавадзе переехал в Грузию. В 1804 г, за участие в мятеже, направленном против русского самодержавия, был сослан на три года в Тамбов, затем вскоре вызван в Петербург и прощен «по молодости». В 1813—1814 гг. Ал. Чавчавадзе принимал участие в походе русской армии в Европу, некоторое время состоял ад'ютантом генерала Барклая де Толли. По возвращении на родину занимал ряд ответственных военно-административных должностей. В 1822 г. Чавчавадзе назначили командиром Нижегородского полка, расположенного в Кахетии, в селе Цинандали. Военные власти получили приказ об аресте и разжаловании в солдаты декабриста Н. Раевского, служившего в Закавказье. Исполнение приказа было поручено Ал. Чавчавадзе, но он уклонился от этого, так как сочувствовал декабристам. Дочь Чавчавадзе Нина стала женой А. С. Грибоедова, и через Грибоедова великий грузинский поэт еще теснее ощутил силу пушкинской поэтической поры.

Чавчавадзе умер в 1846 г. и, как Бараташвили, не увидел свои произведения напечатанными. Первый сборник его стихов вышел в 1881 г. Полное академическое издание сочинений Чавчавадзе осуществлено в 1940 г. под редакцией И. Гришашвили. Многие русские поэты неоднократно переводили стихи Чавчавадзе на русский язык; они стали широким достоянием советского читателя.

Г. ЛОМИДЗЕ.

Украинские писатели в Минске

МИНСК. **(От наш. корр.).** Максим Рыльский и Петро Панч приняли участие в празднновании 40-летия литературной деятельности Якуба Коласа и преподнесли юбиляру два адреса — от украинских писателей и от ученых.

В зале заседаний Союза писателей БССР состоялась встреча белорусских и украинских писателей. М. Лыньков рассказал о работе писателей Белоруссии. Он говорил о силе дружбы народов СССР, дружбы, которая должна найти отражение в книгах украинских и белорусских писателей.

— Мы ставим своей задачей — сказал М. Рыльский — установить еще более тесный контакт с белорусскими писателями, наладить взаимный обмен литературными новинками, ознакомить широкие круги украинских читателей с новыми произведениями мастеров художественного слова Белоруссии.

Далее Максим Рыльский сообщил, что в Киеве подготовлены к печати и вскоре будут изданы большая антология современной белорусской поэзии и новеллы в переводе лучших украинских литераторов.

П. Панч сделал сообщение о творческих планах украинских писателей.

А. Корнейчук избран председателем ССП Украины

КИЕВ. 14 ноября состоялось заседание президиума Союза советских писателей Украины, разрешившего ряд организационных вопросов.

Президиум удовлетворил просьбу М. Рыльского об освобождении его от обязанностей председателя Союза советских писателей Украины.

Председателем Союза советских писателей Украины единогласно избран А. Корнейчук, заместителями председателя президиум избрал А. Малышко, И. Ле и Ю. Смолича, ответственным секретарем—Я. Башмак.

Вчера же состоялось общее собрание писателей г. Киева. От имени президиума собрание открыл Иван Ле, который сообщил об избрании нового руководства Союза советских писателей Украины. Участники собрания в своих выступлениях останавливались на первоочередных задачах работников литературы в связи с решениями ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У о литературе и искусстве. На собрании выступили А. Корнейчук и секретарь ЦК КП(б)У по пропаганде И. Назаренко.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении народного поэта Белоруссии Якуба Коласа (Мицкевича К. М.) орденом Трудового Красного Знамени

За выдающиеся заслуги в области литературы, в связи с 40-летием литературной деятельности, наградить народного поэта Белоруссии **Якуба Коласа (Мицкевича** Константина Михайловича) орденом **Трудового Красного Знамени.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ШВЕРНИК.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 11 ноября 1946 г.

РУМЫНСКИЕ ПИСАТЕЛИ В СССР

(Беседа с румынским писателем г. Чезарем Петреску)

В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» член делегации румынских писателей и журналистов, прибывшей в Советский Союз, г-н Чезарь Петреску рассказал о современной румынской литературе и издании советских книг в Румынии.

Румынская литература существует свыше 400 лет. За этот период она совершила быструю эволюцию от самых несложных форм фольклора к утонченному совершенству современной изящной литературы. Огромное влияние на румынскую литературу оказывала классическая русская литература, в особенности Пушкин, Гоголь, Тургенев, Лев Толстой. Видный румынский прозаик и поэт Костаки Негрузи, автор талантливой исторической повести «Александру Лапушняну», лично был знаком с А. С. Пушкиным и являлся большим поклонником его творчества. Костаки перевел на румынский язык несколько стихотворений Пушкина, среди них «Черную шаль».

Но до последних лет русские книги, как правило, в Румынии непосредственно с русского языка не переводились, а главным образом с французских переводов. Исключение составили «Обломов» Гончарова и «Красный смех» Л. Андреева. Французские же переводы были крайне далеки от оригинала.

Только после разгрома диктаторского режима Антонеску лучшие представители румынской литературы, долгое время находившиеся под надзором сигуранцы и стремившиеся в символической форме выражать прогрессивные идеи, получили свободу творчества и повели борьбу за очищение сознания своего народа от фашистской пропаганды. В румынской литературе вновь начали появляться имена Садовяну, книги которого сожгли на кострах, Бакавия и других демократических писателей. Широко развернуло знамя борьбы за свободу новое поколение литераторов—Е. Жибеляну, Р. Боуряну, М. Бенюк, З. Станку и др.

Михаил Садовяну работает сейчас над новым романом из жизни румынского крестьянства. Ионель Теодоряну закончил большое мемуарное произведение «Картины теней». В центре этих воспоминаний—город Яссы, старинный традиционный очаг румынской культуры. Здесь вскоре после русской революции 1905 года был основан литературно-художественный журнал «Румынская жизнь», вокруг которого группировались лучшие литературные силы страны. Чезарь Петреску закончил антифашистский роман «Тапир» — о румынской интеллигенции.

Один из наиболее известных современных писателей — Раду Тудоран написал роман «Пламя». Тема его—труд и жизнь рабочих-нефтяников Румынии.

Г-н Ч. Петреску рассказал, что сейчас избран новый комитет Общества румынских писателей, основанного М. Садовяну 45 лет назад. Во главе комитета стоит поэт и драматург Виктор Ефтимиу, недавно, как и М. Садовяну, гостивший в СССР. Комитет, поддерживаемый виднейшими литераторами (М. Бениу, Е. Желебяну, Н. Кочя, С. Теодореску, Р. Боуряну) проводит чистку рядов писателей от фашистских и коллаборационистских элементов. Новый комитет разработал закон, утвержденный правительством, об охране авторских прав писателей. Кроме того, создан профсоюз писателей и журналистов

В Румынии организовано специальное учреждение — Дом писателей, созданный на средства литераторов и предназначенный для оказания материально-бытовой помощи писателям. Государство дает Дому писателей крупную дотацию.

Организованное в Румынии новое издательство «Русская книга» активно переводит и издает книги русских классиков и советских писателей. Много романов перевел М. Садовяну. Под редакцией Ч. Петреску выходит перевод «Тихого Дона» М. Шолохова. Член румынской делегации Ю. Себастос переводит «Поднятую целину» Шолохова. Известный писатель Филипиде работает над новым переводом «Войны и мира» Л. Толстого.

Только в этом году в Румынии издано 27 книг советских писателей. Среди них—«Рассказы этих лет» И. Эренбурга, повесть «Белеет парус одинокий» В. Катаева, трилогия «Хождение по мукам» А. Толстого, «Наполеон» Е. Тарле, повесть «Это было в Ленинграде» А. Чаковского и другие.

— Я горячо поддерживаю,—сказал г. Петреску, — румыно-советскую дружбу, творческую связь писателей наших сопредельных стран. В основе этой дружбы лежит глубокая вера каждого румына в необходимость и ценность этого сотрудничества.

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ — УЗБЕКИСТАН СЕГОДНЯ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

День облачный. Радостно-чистые, сияющие краски Узбекистана сегодня затуманены. Душно и жарко по-летнему, как бывает перед грозой, и мы, конечно, не зерим глазам своим, когда, под'езжая к кишлаку, видим, что кровли покрыты снегом, что снежная поляна дерзко возникла среди зелени бахчей и огородов.

Но это не снег. Это сушат первый хлопок первого урожая этого года. Желтые и розовые, нежно пахнущие миндалем цветы еще расцвечивают зелень этих низкорослых, ровными рядами посаженных кустарников. Но уже резко обозначились среди широких, похожих на раскрытую ладонь, листьев белые и пышные хлопья. За день соберут с участка весь этот чудесный растительный пух, а завтра раскроются новые зеленые коробочки, сейчас еще плотно сомкнутые, и снова на этот же участок выйдет бригада сборщиц урожая.

Кончиками пальцев охватывает сборщица хлопка весь содержащийся в коробочке, пушистый и теплый, рожденный горячей землей снежок и сильным, гибким движением вырывает его из коробочки, да так ловко, что в ней не останется ни одного волоконца. Это длится считаные мгновения. В минуту несколько щипков, одной и другой рукой, и все полнее делается мешок, который висит на поясе сборщицы. Эти миллионы, миллиарды раз повторенные движения, — из них состоит сбор урожая, тех победоносных урожаев хлопка, которые такое большое значение имели для разгрома разбойничьего фашистского государства.

Потому с таким волнением и благодарностью следишь за этой цепочкой женщин, смугло-румяные лица которых оттенены белыми косынками; целый день, не разгибаясь, идут они по полю под палящим узбекским солнцем.

Когда же день затуманивается, как сегодня, хлопководы с тревогой глядят на небо. Достаточно маленькому дождю пролиться на облачно-белые пространства, покрытые сушащимся хлопком, и он тут же начнет терять свою высокосортность. Со сбором хлопка торопятся. В правлении колхоза пусто; на улицах кишлака, в тени высоких глиняных стен играют только совсем маленькие дети — все трудоспособное население на хлопковых полях.

Издали заметив нашу машину, вышел на дорогу осанистый, рослый человек в военной гимнастерке. Это Мавлон Кушаев, председатель колхоза имени Вильямса. Время уже наложило печать на смуглое, полное сдержанной внутренней силы, лицо. Мавлон Кушаев — уроженец кишлака, один из старейших борцов за колхозный строй. С 1931 года колхозники избрали Кушаева председателем, и под его руководством колхоз вышел на второе место в районе.

Сбор хлопка — самое напряженное время в колхозе, но в движениях Мавлона Кушаева не заметно торопливости. Во все бригады, во все фермы проведен телефон, и председатель колхоза может с любого участка работы позвонить на любой другой участок и узнать, как там идут дела. Можно по прямому проводу включиться и в ташкентскую городскую сеть. «Не только что с Ташкентом, — из любой бригады с Кремлем можем разговаривать», — гордо говорит кто-то из колхозников.

На неиссякающих, вечно струящихся водах повсюду воздвигнуты маленькие белые здания колхозных электростанций. 80 процентов колхозов района электрифицировано. Передовая техника вошла в быт узбекских колхозников и очень органически слилась с исконными традициями узбекской культуры.

Правления колхозов поразили нас опрятностью и даже торжественной нарядностью помещений: стены их обычно расписаны древними узбекскими узорами.

Идем меж глиняных стен по узкому переулку, пустынность которого особенно подчеркнута тем, что окна домиков выходят во дворы. Но вот мы открыли калитку и оказались в зеленом раю.

Кудрявые аркады виноградников уводят в глубь участка, ярко чернеет пышная, щедро политая земля огорода. Дома, конечно, никого нет, все в поле, но старушка хозяйка, которую мы застали врасплох, торопливо подметает под нашими ногами дорожку, ведущую к дому, и без того чистую. Так же чисто в комнате, куда нас привели. На стенах развешаны радующие искусным подбором красок и узоров сюзане.

Только вчера любовались мы этими узорами на заставках старинных книг тысячелетней давности, хранящихся в Государственной публичной библиотеке УзССР. Откуда это пришло? Искусные ли каллиграфы воспроизвели узоры, которые уже тогда были древними, или они нашли эти чудесные орнаменты, которые потом усвоило и разработало народное искусство? Пожалуй, вернее всего будет сказать, что и то и другое создано талантливым трудолюбивым узбекским народом, от века населяющим знойные, изобильно-щедро вознаграждающие человека за труд, равнины.

Этот народ испытал на себе неоднократные суровые нашествия; созданные им оросительные системы, изумительная архитектура, все величавые достижения материальной и духовной культуры много раз были растоптаны варварами. И все же народ сохранил себя!

Великая Октябрьская революция позволила воспрянуть узбекской земле. С быстротой, свидетельствующей о громадных духовных силах, с помощью русского народа узбеки создали на новой социалистической основе свое государство.

В странном противоречии находятся названия кишлаков и названия колхозов. «Ханская крепость», «Сторожевой курган»—таковы названия кишлаков. От этих названий веет временами феодальной усобицы, в продолжение веков раздиравшей Узбекистан, названия же колхозов говорят о победоносном внедрении социалистического уклада.

Секретарь райкома ВКП(б) тов. Ханазаров, агроном по образованию, рассказывает партийному активу и колхозникам о больших достижениях советских ученых. Портрет Вильямса висит в кабинете председателя колхоза. Когда колхозу присваивали название, из Ташкента приехал ученый человек и рассказал колхозникам о Вильямсе. Каждый колхозник Узбекистана знает, что несущий свет и радостную жизнь ветер идет из Москвы, из России.

Во время Отечественной войны в Узбекистан было эвакуировано из России и с Украины множество заводов и фабрик, нужно было с большой быстротой воздвигнуть много новых заводских корпусов. Война не давала возможности государству снабжать это развертывающееся строительство достаточным количеством железа и дерева, без которого, казалось бы, никак нельзя обойтись, особенно при возведении перекрытий — потолков и крыш. Тогда узбекский народ обратился к сокровищам своей многовековой строительной культуры. Умели ж мастера древности строить величественные дворцы, медрессе и мечети, которые и сейчас поражают красотой и прочностью, строили их без железа и дерева.

Так Великая Отечественная война, вызвавшая небывалый национальный и патриотический под'ем узбекского народа, вновь вызвала к жизни архитектурное достояние прошлого. Так искусство древнего Узбекистана пошло на службу социалистической индустрии, и в Узбекистане воздвигались многие фабрики и заводы со сводчатыми потолками.

Тысячи молодых узбеков поехали на Урал, чтобы усвоить производственный опыт уральских металлургов; тысячи русских инженеров и мастеров приехали в Узбекистан передать опыт, и вот перед нами индустриальный Узбекистан, Узбекистан, который строит свои самолеты, тракторы и станки, Узбекистан, который имеет свою черную металлургию.

***

Все это произошло на памяти одного поколения. Батрак Исаев Джура в двадцатом году был брошен эмиром Бухарским в тюрьму за то, что посмел потребовать у эмира заработанных денег. Он ждал смерти, но пришла Красная Армия и освободила его. После этого Исаев Джура жил счастливо, стал зажиточным колхозником, а в 1941 году пошел добровольцем на фронт. Он сражался в составе стрелковой роты, которая своим стремительным натиском спасла деревню Тесово Новодугинского района, Смоленской области, от сожжения, а жителей ее — от угона в германский плен.

Первой встретила наступающих красноармейцев крестьянка Рожкова. Схватив хлеб с солью, она выбежала на улицу и увидела темнолицего красноармейца. Своими большими глазами он приветливо взглянул на нее. Она обняла, поцеловала его и сунула ему в руки хлеб. «Бери, голубчик, бери, родимый», — говорила она, предлагая хлеб.

И слезы брызнули из глаз Исаева. Вся жизнь его со дня освобождения из тюрьмы, когда впервые русский красноармеец протянул ему руку и вывел на свет, и до настоящей минуты предстала перед ним. Исаев Джура бережно взял в руки хлеб, с благоговением прикоснулся к нему губами и вернул его русской женщине.

Вот что произошло с одним молодым узбекским воином. В бою на его глазах загорелся советский танк, прикрывавший наступление стрелковой роты. Узбек подбежал и вытащил танкиста. Тот умирал, шепча что-то. Узбек склонился, чтобы услышать последнее слово умирающего, и—не галлюцинация ли? — он услышал название родного кишлака. Танкист умер.

Чтобы понять эту тайну, узбек пересмотрел все бумаги танкиста да так ничего и не понял. Разгадку тайны он нашел после войны, вернувшись в родной колхоз. Его родные взяли на воспитание детей русской работницы с эвакуированного завода. У них была та же фамилия, что у танкиста. Беловолосые, веснущатые, они только этим и отличались от узбекской детворы. На них были такие же пестрые халатики, узбекский язык стал их родным языком.

В Ташкенте мне пришлось познакомиться с другой семьей. Вернувшись домой, офицер узбек обнаружил, что дети его учатся в русской школе. Жена его приняла многодетную семью из Сталинграда, и когда пришло время итти в школу, дети не захотели разлучаться со своими маленькими русскими друзьями, — ничто и никогда их не разлучит.

***

Перед новым красивым зданием правления колхоза имени Ворошилова стоит памятник, окруженный цветником, пышно разросшимся. Он поставлен танкисту Убай Махмудову, который погиб осенью 1941 года, защищая советскую землю под городом Курском. Его отец получил из Москвы орден Отечественной войны, которым награжден был его сын. И за то, что Махмудов геройски сражался за советский строй, за нерушимое братство советских народов, земляки поставили ему этот памятник. Скульптору удалось схватить выражение суровости в бровях, в прищуре глаз и ласковость — в улыбке.

Рядом, в арыке, журчит вода, здесь, возле памятника, встречается вчерашний фронтовой и сегодняшний трудовой день Узбекистана.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

О ДОСТОЕВСКОМ

125 лет со дня рождения

Ленин писал о Белинском: «Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору».

Это подтверждается тем, что ренегаты, выступившие против русской революции под знаменем «Вех», начали свой поход с нападения на знаменитое «Письмо к Гоголю». По их словам, это есть «пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения», то-есть, в понимании авторов «Вех», настроения демократии (см. Ленин, т. XIV, стр. 219).

За чтение этого письма в кружках ранних русских демократов, за «настроение», выраженное в этом письме, царский суд в 1849 году приговорил молодого Достоевского к смертной казни. Вспоминая впоследствии о страшном моменте, когда протекали на эшафоте последние минуты, потом, казалось, последние секунды его жизни, Достоевский писал, что среди различных чувств и мыслей, владевших им тогда, не было чувства раскаяния, отречения.

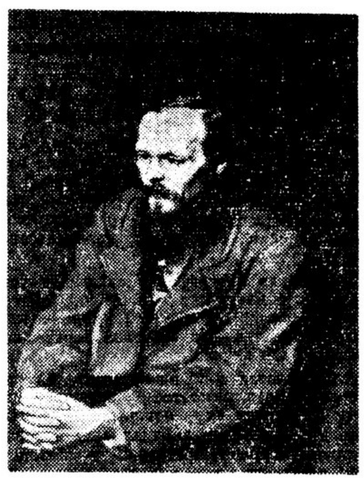
Достоевский был превосходным чтецом. Это известно из его выступлений на эстраде во втором периоде его писательской деятельности. Его лебединая песнь, знаменитая «Пушкинская речь», прочитанная в зале Благородного собрания (ныне Колонного зала Дома союзов в Москве), привела многих слушателей к экстаз, одурманила даже враждебных Достоевскому писателей. Быть может, болезненность Достоевского была дополнительным источником его страстности. Легко представить себе, какое впечатление должно было произвести на молодежь чтение Достоевским письма Белинского. Только это и могло вменить в вину Достоевскому царское правительство. Но и этого было достаточно! Смерть за чтение чужого произведения,— стало быть, не оставалось сомнения в том, что Достоевский не просто читал революционное по своему духу письмо, а пропагандировал его со всей страстью и всей убежденностью сторонника.

Он и был тогда сторонником Белинского, и кружок Белинского считал его сначала «своим» человеком. Достоевский вошел в русскую литературу «Бедными людьми», а в этом произведении горячей, пламенной струею била та любовь к маленьким, обездоленным, оскорбленным и униженным людям, которая со времени «Станционного смотрителя» Пушкина и гоголевской «Шинели» стала отличительной чертой русского реализма. Белинский говорил потом, что он ошибся в Достоевском, «надулся» с ним. Но ошибся только отчасти. Последующие повести открыли новые черты в Достоевском и прежде всего болезненный его психологизм. Но в основном Белинский не ошибся. Достоевский стал одним из наиболее выдающихся представителей русской реалистической литературы. В его романах русская жизнь отразилась многими своими сторонами, иногда сквозь нарочитое уродство персонажей. Достоевский, подобно Толстому, срывал маски с лживых людей и с лживых идей без пощады и без страха.

Ужасными годами заключения и суда, смертного приговора и каторги жизнь Достоевского как бы переломилась надвое. Он — один человек до этого, как будто совсем другой человек — после этого. Он начинает свою литературную и политическую жизнь, как единомышленник и сторонник Белинского; заканчивает жизнь, как сторонник смирения, православия. Однако его произведения будоражат русскую молодежь и рождают бунтарей. А его друзья из бюрократических и церковных кругов относятся с недоверием к его православию, к его смирению и недовольны тем, что Иван Карамазов несравненно более ярок, более убедителен, чем старец Зосима. Иван страстно, исступленно любит жизнь, «клейкие листочки» весны, а от смиренного Зосимы еще при жизни несет тлением, а после смерти он немедленно «протух».

Так выходит, что хотя каторга и переломила надвое Достоевского и как будто смирила бывшего бунтаря, но нельзя его просто и прямолинейно зачислить ни в лагерь революции, ни в лагерь демократии. Основное в нем — это как раз и есть противоречия. В этом как раз и сила его литературного дарования. Немногие в мировой литературе, а вернее, даже никто не выразил с такой живой страстью противоречия в человеке, как Достоевский.

Ключ к пониманию таких писателей дан Лениным в его статьях о Толстом. Противоречия Достоевского — это противоречия его эпохи, когда «все перевернулось» и еще ничего нового, устойчивого не стало на месте разваливающегося старого. Между Толстым и Достоевским различие огромное, писатели это разные, но общее в них то, что они отразили в своих произведениях ломку всех старых понятий и представлений. Оба они — самые выдающиеся представители русской литературы в период крестьянской революции. Но Толстой отвергал существующий строй с позиций крестьянина, ненавидящего праздных господ и кулаков-мироедов и мечтающего о «праведной жизни» на своем клочке земли, в своем тихом уголке, в стороне от государства, политики, науки и культуры. Достоевский — с позиций интеллигентного пролетария, у которого и клочка земли



нет, и угла своего нет, где можно было бы укрыться от бурных столкновений противоречивого времени. Толстой до конца своей жизни оставался анархистом-бунтарем. Достоевский смирился. Один саркастически изобличал царских чиновников и церковную иерархию. Другой в литературе кадил ладаном и сочинял «высшее», философское оправдание для империалистической политики царизма. При этой противоположности внешнего облика оба, Толстой и Достоевский, были проповедниками «боженьки», подкрашенной и подслащенной религии утешения человечества и отвлечения его от подлинной, активной, революционной борьбы за счастье. Это было общей их слабостью, и не это в них главное, основное, — то, что заставляет их произведения жить в веках, волновать читателей, что делает их великими мировыми писателями.

Художественную силу Толстого Ленин видел в постановке им важнейших вопросов современной жизни. Ленин писал: «...безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая **постановка** Толстым самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени **бьет в лицо** шаблонным фразам, избитым вывертам, уклончивой, «цивилизованной» лжи нашей либеральной (и либерально-народнической) публицистики».

Это же можно сказать и о Достоевском. О силе его письма говорить не приходится. «Записки из Мертвого дома» по праву занимают виднейшее место в русской классической литературе. Выброшенный из «цивилизованного общества» приговором царского суда, Достоевский нашел здоровый нравственный мир среди каторжников. Другие «шли в народ», чтобы приобщиться к его правде. Достоевский был выброшен в народ, потому что в царские времена на каторге бывали не худшие, а часто лучшие элементы народа. От каторжников Достоевского до босяков Горького в литературе прямая линия, — с тем различием, которое отделяет разночинца-демократа 60-х годов от пролетарского демократа 90-х годов.

Вопрос важнейший, глубочайший был поставлен Достоевским в «Преступлении и наказании». Даровитый русский юноша, студент с богатейшими способностями, с задатками мыслителя, ученого, с оригинальной мыслью, обаятельный в личных отношениях, приговорен общественным строем к смерти от голода, к полному отчаянию, к совершенной безнадежности существования. Что же это такое? Почему старуха-ростовщица имеет право жить, хотя человеческой жизнью нельзя назвать это существование паука, а интереснейшая жизнь, полная смысла, должна оборваться? Почему для Раскольникова нет места в современном обществе?

Это — не выдуманный вопрос. Его ежедневно, ежечасно ставит жизнь в капиталистических странах перед многими тысячами молодых, способных людей. И если не всем угрожает прямая смерть от голода, — хотя очень, очень многим угрожает именно такая смерть,— то миллионам отказано в праве на культуру, на развитие своих способностей, на разумную, осмысленную, достойную человека жизнь. Раскольников—это не просто вымысел художника. Это самый распространенный тип в современном капиталистическом обществе.

Раскольников тщетно ищет ответа на свой вопрос. Никакая философия, никакая религия не может оправдать строй, присудивший его к смерти. Против него все — господствующая мораль, господствующее право. Он решает сам, своими собственными силами подняться против этого бесчеловечного общества, выйти за пределы его морали, нарушить его согласие. Раскольников убивает старушку и тут же убеждается в своем бессилии, в своей слабости, в порочности своего индивидуального выхода. Вопрос поставлен правильно. Ответ в корне неправилен. Достоевский подсказывает другой ответ: смирение. Но какой же это ответ! Кого он может убедить...

Снова и снова, со все возрастающей страстностью, Достоевский ставит этот вопрос о праве классового общественного строя на существование. Постановка вопроса резко-беспощадна. Она не только в обличающих монологах Ивана Карамазова, срывающего маски со всяких идеалистических систем, со всяких религиозных и философских обманов. Она в живых образах, созданных писателем, в его сатирическом издевательстве над либеральной буржуазией, над литературным прекраснодушием. И при этом всюду горячая любовь к молодости, к весне жизни. Дети у Достоевского почти всюду чудесны. Русского мальчика никто лучше не изобразил. То, что Достоевский написал о Коле Красоткине, об его товарищах, полно жизненной правды.

Вопросы поставлены прямо, резко и бьют в лицо идеалистическому шаблону. А ответы слабы, неубедительны. Разве можно противопоставить Ивану Карамазову бледного, недорисованного Алешу? Да и Алеша не будет ли тем же Иваном, который, однако, нашел верный ответ?

С огромной, вдохновенной, прямо пророческой силой поставлен Достоевским вопрос о грядущей великой передовой роли России, о ведущей роли русского народа на пути к всемирному единению наций. Постановка вопроса сохраняет свое значение и ныне. А решение вопроса, ответ Достоевского явно несостоятелен.

В тех условиях, в которых жил и писал Достоевский, не могло быть и не было верного ответа. Всякое отрицание существующего общественного строя, преступного в самой своей основе, заводило в тупик идеалистов-мечтателей, заканчивалось бессильным бунтом или отречением. На проклятые вопросы Достоевского ответила жизнь. Рабочий класс взял на себя задачу, которая не по силам была бунтующим интеллигентам, не по силам и крестьянской революционной стихии. Созданная величайшими мыслителями научная философия — диалектический и исторический материализм—указала путь к освобождению человечества от мертвящей хватки капитализма. В советской стране нет места для ростовщиков-пауков. В ней нет места и для той проклятой проблемы, под тяжестью которой сломился Раскольников. В советской стране расцветают каждую весну клейкие листочки жизни и растут превосходные дети. Основные противоречия, которые мучили Достоевского и изуродовали его душу, разрешены великой социалистической революцией. Но эти противоречия еще уродуют жизнь миллионов людей в других странах. Они рождают преступность в политике, империалистический разбой и колониальные грабежи. Произведения Достоевского поэтому поныне волнуют читателя. И если враги советского народа хватаются за то, что было слабого в Достоевском, за его «ответы», то его «вопросы», сильнейшая часть его творчества, попрежнему пред'являют беспощадное обвинение тому общественному строю, в котором торжествуют паразиты, а честные труженики обречены на смерть от голода.

ВЕЧЕРА ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ

11 ноября в Институте мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР состоялось торжественное заседание, посвященное 125-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского.

Большой зал института с трудом вместил всех желающих присутствовать на заседании. Сюда пришли писатели, критики, профессора, аспиранты, студенты литературных институтов.

В зале заседания организована выставка, на которой представлены первые издания произведений Достоевского, иллюстрации русских художников к его романам.

Торжественное заседание открыл Н. Бродский. С большим докладом о творчестве Ф. М. Достоевского выступил В. Кирпотин, охарактеризовавший творческий путь писателя, его противоречия и колебания. Докладчик говорил о том великом мастерстве, с которым Достоевский изобразил страдания народных масс в капиталистическом обществе. Достоевский не понимал причин этих невыразимых страданий человечества, он не знал, как искоренить их, но книги его прозвучали как сигнал бедствия, как призыв о помощи.

***

В музее Ф. М. Достоевского состоялся вечер, на котором артисты московских театров прочли отрывки из произведений Ф. М. Достоевского. Артистка театра Красной Армии В. Попова прочла главу «Именины Настасьи Филипповны» из романа «Идиот». Отрывок из романа «Бедные люди» прочла артистка МХАТ Л. Коренева.

***

Вечер в Государственном литературном музее открыл вступительной речью А. Слонимский. Мастер художественного слова А. Глумов ознакомил аудиторию со своей новой работой — литературным монтажем по повести Ф. М. Достоевского «Игрок».

ОДНОТОМНИК ДОСТОЕВСКОГО

В связи с 125-летием со дня рождения Достоевского Гослитиздат выпускает однотомник его произведений. В книгу войдут: «Бедные люди», «Белые ночи», «Преступление и наказание», «Село Степанчиково и его обитатели», «Кроткая», «Мужик Марей» и «Сон смешного человека». Произведениям Достоевского будет предпослана вступительная статья. Редакция однотомника и комментарии Б. Томашевского.

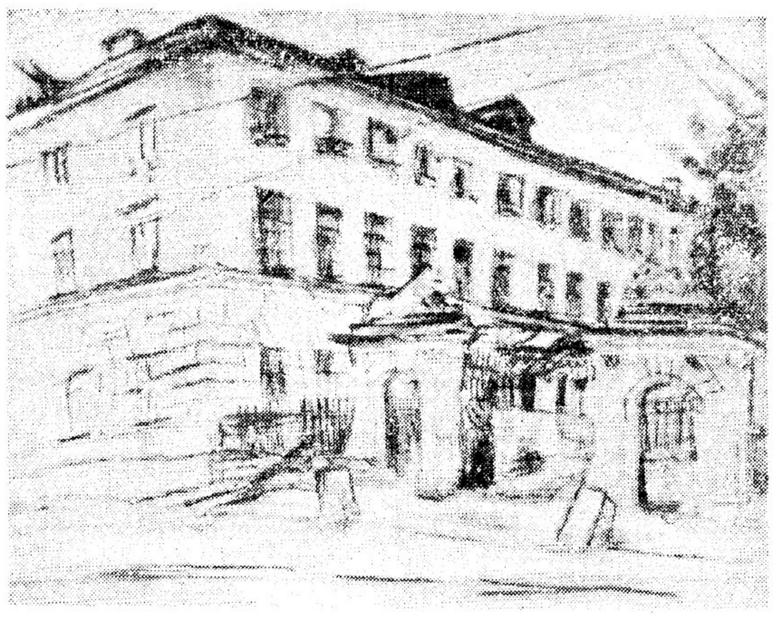
АННОТИРОВАННЫЙ КАТАЛОГ АВТОГРАФОВ

Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина и Центральный литературный архив подготовили к печати большой (23 печатных листа) аннотированный каталог автографов Ф. М. Достоевского.

Вступительная статья к каталогу написана кандидатом филологических наук В. Нечаевой.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ РОМАНА «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

Гослитиздат выпускает в массовой серии роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди» тиражом в 500 тысяч экземпляров.



Музей Ф. М. Достоевского в Москве. Здесь писатель родился и провел детские годы.

Рисунок художницы А. ШАВАД.

Костас КОРСАКАС

Литовская советская литература

С установлением в Литве советской власти перед литовской литературой раскрылись новые горизонты. Уже в 1940 году появились новые произведения Людаса Гира, Саломеи Нерис, Витаутаса Монтвила, в которых нашли поэтическое отражение великие социальные перемены.

В дни Отечественной войны литовские писатели воспевали боевые дела литовской дивизии и подвиги народных мстителей; стихи и рассказы, распространявшиеся в оккупированной Литве, звали к беспощадной борьбе против гитлеровцев. Победу над фашистской Германией литовские советские писатели встретили с чувством выполненного долга, зная, что во всенародном торжестве есть также доля и их труда.

Начавшийся после войны широкий процесс экономического и культурного восстановления республики, однако, еще не нашел достойного отклика в литовской советской литературе. Большинство писателей явно отстает от жизни, от насущных творческих задач. Кое-кто поддался настроениям самоуспокоенности, «передышки», а кое-кто из тех, кто прежде придерживался буржуазных воззрений и пережил войну на оккупированной немцами территории, — молчит, видимо, все еще размышляя о своем пути. Исторические постановления ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве были восприняты в Литве, как чрезвычайно важные и существенные для дальнейшего развития литовской литературы. Они осветили многие наши идеологические и творческие ошибки, указали молчавшим, что надо подумать о своей литературной судьбе.

Основной недостаток литовской советской литературы заключается в том, что она слабо отражает действительность. Великие события нашего времени, давшие новое направление судьбе литовского народа, еще не подняты литературой.

В среде литовских писателей до сих пор имеет хождение явно порочная, ни на чем не основанная теория о необходимости «исторической перспективы» для отражения тем современности. Прикрываясь такой «теорией», некоторые писатели обратились к тематике далекого прошлого. Ориентируются на старину видные писатели старшего поколения: А. Вьенуолис, В. Миколайтис-Путинас, Б. Сруога, К. Инчюра и др. Они пишут исторические пьесы из времен борьбы литовцев... с крестоносцами, из времен крепостного права, как будто нет более злободневных и нужных тем.

Некоторые литовские писатели за два года, прошедших после освобождения Литвы, не опубликовали ни единой строки, хотя до 1939—40 годов они писали довольно много. В числе молчальников—И. Грайчюнас, Ст. Англицкис, К. Кела, В. Катилюс, И. Мацкявичюс-Норд и др. Творческую бездеятельность они пытаются оправдать работой над переводами, «служебной нагрузкой» и т. д. До сих пор эти литераторы так и не заняли мало-мальски ясной позиции в борьбе против остатков разбитых классов, против национально-буржуазных тенденций. То немногое, что вышло из-под пера некоторых из них, звучит так, словно за последнее время розным счетом не произошло никаких событий, словно литовский народ не ждет от своих писателей больших идейных произведений, дающих правильное освещение жизни.

В книге воспоминаний Б. Сруога «Лес богов» дана искаженная картина гитлеровского лагеря смерти в Штутгофе. Там, где требовалось гневное слово писателя, клеймящего ужасы фашистского варварства, Сруога ограничивал себя иронией и насмешкой. В книге не показан героизм жертв фашистского террора, их воля к жизни и борьбе. Б. Сруога сам признал допущенные им большие ошибки. Естественно, что его книга в таком виде не могла быть издана.

Немало идеологически ошибочных произведений литовских писателей появилось за последнее время в печати, в особенности в журналах «Пергале», «Яунимо Грятос» и в газете «Литература ир менас». Крупную ошибку совершила редакция журнала «Пергале», поместив отрывок из романа И. Паукштялиса, в котором проповедуется пессимистический взгляд на жизнь. Герой романа Стасис рассуждает в духе пифагорейской безнадежности: «Жизнь — это траурная процессия. Проходят сотни, тысячи лет, меняются поколения, а эта процессия все та же, все однообразно, медленно движется... Солнце всходит и снова заходит, наступает ночь и снова рассвет, а процессия все тянется... Все такая же однообразная... Да, печальная процессия!...»

Редакция «Пергале», поместив отрывок из этого романа, проникнутого чуждой нам философией, не сочла нужным указать в комментарии к нему, что автор изображает жизнь буржуазной Литвы.

В журнале «Пергале» были также опубликованы аполитичные стихи, выражающие настроения, не свойственные советскому человеку. В одном стихотворении поэт А. Мишкинис пишет:

Осень. А астры — пылающие кусты.
Хорошо. Я доверяю тебе, человек.
Успокоится сердце, успокоятся войны,
Успокоится Атлантика и Тихий океан.

Какой смысл придает автор своей насторали? Какое успокоение в Атлантике и Тихом океане он имеет в виду?

В журнале «Яунимо Грятос» печатаются преимущественно начинающие молодые поэты. К сожалению, они находятся под влиянием господствовавшей в буржуазной Литве декадентской эстетики. Редакция журнала не только не воспитывает молодежь в духе советской идеологии, но даже культивирует упадочные настроения. Некоторые стихотворения такого типа (Матузявичуса, Кубилинскаса и др.). поторопилась напечатать и недавно начавшая выходить газета «Литература ир мянас».

Надо отметить, что за последнее время в творчестве многих поэтов стала преобладать узко личная тема, замкнутость в пределах интимных ощущений. Сонет стал излюбленной стихотворной формой. Любители ландшафтов и нудной лирики отрицают здоровые традиции литовской поэзии — добрые традиции Донелайтиса, Майрониса, Янониса, об'единяющие литовскую поэзию с народом.

Эти чуждые советской поэзии настроения особенно ярко проявились в сборнике стихов Э. Межелайтиса «Ветер родного края».

Идейные и художественные ошибки нашей литературы во многом об'ясняются отсутствием серьезной, принципиальной критики. В органе Союза советских писателей «Пергале» критика обычно сводилась к кратким и поверхностным рецензиям. Новые книги не получали в журнале оценки в духе большевистской идейности. К тому же журнал выходил с таким опозданием, что «не поспевал» за событиями литературной жизни. В отделе рецензий журнала «Яунимо Грятос» процветали приятельские панегирики, печаталась открытая самореклама. Здесь была поднята на щит декаденственная лирика Э. Межелайтиса, якобы «сыгравшая огромную роль в дни войны».

Крупные ошибки были допущены и республиканским издательством художественной литературы, выпустившим чуждые советской идеологии книги, в том числе и сборник П. Вайчунаса, в котором помещены стихотворения, написанные еще во времена буржуазной Литвы и воспевающие ее режим.

На республиканском собрании писателей в Вильнюсе, обсуждавшем постановление ЦК ВКП(б), большинство литовских писателей открыто признало свои ошибки. Они осудили творческую пассивность и подчеркнули необходимость изображать реальную жизнь, ее созидательный размах, ее мощное движение вперед.

Так говорили Б. Сруога, В. Миколайтис-Путинас, Е. Матузявичус, А. Венгрис и другие. Следует надеяться, что они оправдают свои слова делами.

Печальные факты, о которых мы здесь рассказали, не должны затемнить общей картины развития литовской советской литературы. Необходимо отметить и то положительное и прогрессивное, что сделали наши писатели. И. Марцинкявичус в своей новелле «Первые шаги» ярко показал борьбу советских людей против буржуазного национализма. Ю. Балтушис в рассказе «Ломоть хлеба» дал яркую картину борьбы с классовым врагом, показал его предательскую сущность.

Драматург В. Даугуветис написал две пьесы, изобличающие зверства немецкой оккупации, показал, как разрешен земельный вопрос в Советской Литве. Хорошие стихи, новеллы, фельетоны создали за последнее время писатели В. Вальсюнене, В. Реймерис, А. Хургинас, И. Довидайтас, Л. Янушите и другие. Все это говорит о больших возможностях литовской советской литературы, служащей интересам народа. Не приходится сомневаться, что литовские писатели, освободившись от дурных традиций, чуждых влияний и осознав великие задачи современности, обогатят литературу новыми произведениями, достойными сталинской эпохи.

Произведения эстонских писателей на русском языке

Издательство художественной литературы Эстонской ССР включило в свой план произведения эстонских писателей в переводе на русский язык.

Впервые выйдут в русском переводе произведения основоположника эстонской реалистической литературы Эдуарда Вильде, в частности, его роман «Война в Махтре». Переводятся рассказы известного эстонского писателя А. Таммсааре, драматическая повесть современного прозаика А. Якобсона «Жизнь в цитадели» и др.

Подготовлен сборник рассказов, посвященных сталинской дружбе народов и боевым делам воинов Эстонского корпуса в Великой Отечественной войне. Группа переводчиков работает над антологией эстонской поэзии XIX и XX вв.

Американские впечатления

★

Илья ЭРЕНБУРГ

★

Мне часто приходилось встречаться с представителями прессы—издателями, редакторами, журналистами; я осмотрел редакции многих газет и узнал, как организуют здесь общественное мнение. Это — серьезное дело, оно сконцентрировано в руках больших трестов.

Как организуют общественное мнение? Не статьями — американцу некогда читать передовые; к тому же он не доверяет «пропаганде». Большинство газет выступало против Рузвельта, однако американцы четыре раза подряд отдали свои голоса покойному президенту. Деятельность Рузвельта протекала у всех на глазах, каждый американец был компетентным судьей, тем паче, что Рузвельт и его сторонники выступали на тысячах собраний, опровергая измышления газет. Когда я говорил американским друзьям, что пресса деформирует сознание читателей, они обычно отвечали: «Вы преувеличиваете значение газет. Вспомните, как было с избранием Рузвельта... Американец не поддается пропаганде, он привык мыслить самостоятельно».

Однако для того, чтобы думать (самостоятельно или несамостоятельно), нужно знать то, над чем ты думаешь. Средний американец знал налоговую политику Рузвельта. Но откуда знать среднему американцу, что именно происходит в Иране, в Германии или в Болгарии? Он «самостоятельно» думает над теми измышлениями, которые ему подносит первая полоса газеты. Будучи неглупым и желая быть независимым в суждениях, он спрашивает себя, хорошо или плохо делают русские, бросая свои танки на Тегеран, правы или не правы болгары, стремясь сохранить греческие Родопы; он незнаком с данными той задачи, которую пытается разрешить, он и не подозревает, что советские танки никогда не шли на Тегеран и что в болгарских Родопах нет ни одного грека.

Газеты, которые принадлежат крупным трестам или магнатам печатного слова, под видом информации заняты дезинформацией. Они прикидываются об'ективными; например, на десять антисоветских корреспонденций—из Анкары, из Будапешта, из Вены, из Триеста, из Буэнос-Айреса, из Хельсинки, из Мюнхена, из Тегерана, из Шанхая, из Стокгольма, в которых десять собственных дезинформаторов показывают, что Россия хочет проглотить весь мир, вплоть до Гватемалы и Гондураса, обязательно помещается одна корреспонденция, восхваляющая труды советского ботаника или мастерство советских конькобежцев. Многие газеты, печатающие чудовищные небылицы о Советском Союзе, просили меня написать что-либо для них, печатали мои статьи. Одна большая газета предлагала мне написать на такую-то тему, если я не хочу на другую, третью, в итоге она обратилась ко мне с таким очаровательным предложением: «Напишите на такую тему—почему вы не хотите написать для нас?» Сбитый с толку читатель повторяет: «Что ни говорите, а наша печать самая об'ективная в мире».

Нью-йоркские газеты расходятся почти исключительно в самом Нью-Йорке. В каждом штате свои большие газеты; многие из них принадлежат газетным трестам. Иногда в городе две газеты принадлежат одной фирме или одному лицу; на выборах они выступают за двух разных кандидатов, но в основном проводят ту же политику.

Газеты делятся на серьезные и бульварные—по читателю. Солидный нью-йоркец читает «Таймс» или «Геральд трибюн». Дезинформация в этих газетах поставлена солидно: опытные корреспонденты, быстрая передача длиннейших телеграмм. Редакции похожи на большие заводы. Работают высококвалифицированные сотрудники: литературные и музыкальные критики, экономисты, дипломаты. Газеты огромные по об'ему и, даже если убрать об'явления, текста вдоволь. Воскресные номера так об'емисты, что это уже не газета, а тяжелый пакет. На первой странице обычно оглавление; американец узнает, что корреспонденцию из Рима он найдет на одиннадцатой странице, отчет о футбольном матче — на седьмой, а биржевые новости — на двадцать третьей. Все статьи и корреспонденции написаны по особому рецепту: первый абзац представляет резюме последующего, и первый абзац стоит на первой странице; таким образом американец, который торопится и который вообще не очень-то любит читать, просмотрев первую страницу, знает все, что стоит на последующих.

Стиль бульварных газет весьма своеобразен. Есть, например, журналист Лайн; его статейки (неизменно с портретом автора) печатаются ежедневно в пятидесяти газетах. Статьи Лайна — это коллекции коротких и неопрятных сплетен — кто с кем отобедал и сколько долларов стоил обед, как сенатор Икс улыбнулся актрисе Игрек или наоборот. Разумеется, и сплетни организованны: такого-то надо выдвинуть, такого-то потопить.

Раскрыв как-то номер бирмингамской газеты, я увидел на первой странице огромный портрет девушки. Зная нравы местной печати, я решил, что эта миловидная особа или зарезала кого-нибудь или вышла замуж за короля жевательной резинки. Оказалось, что она отправилась в Голливуд, надеясь стать кинозвездой, актрисой не стала и забеременела. Больше ничего сверх'естественного в ее истории не было, но она все же попала на первую страницу газеты.

Даже серьезные органы печати дают по меньшей мере раз в неделю фотографии девиц, которые нашли богатых претендентов. Девицы, никого не нашедшие, смотрят, вздыхают и надеются. Американцы мне говорили, что это — «поддержка оптимистического мироощущения».

Репортеры и корреспонденты—люди энергичные. Я не успел выйти из самолета, они накинулись на меня: «Как вам нравится Америка?» Я им ответил, что еще не видел никого, кроме таможенников и репортеров. Они удивились; один сказал: «Разве вы не приготовили текст заранее»... Действительно, были американские журналисты, которые приезжали в Россию с готовой книгой о России; у одних таковая была в голове, у других в портфеле...

Конкуренция двух газет или двух телеграфных агентств принуждает репортеров быть не только находчивыми, но и воинственными. Часто корреспондент одного агентства занимает на несколько часов все телефонные линии, чтобы конкурент не мог передать информацию. Бывало, что один журналист пробивал баллоны на машине коллеги или подливал воду в бензин.

Репортер крупной нью-йоркской газеты тайком пробрался к портному, который шил мне костюм. На следующий день я увидел в газете фотографию — я примеряю брюки. Статья, сопровождавшая этот снимок, была посвящена жгучей проблеме: почему я предпочел на брюках пуговицу модной застежке «молния». Встретив ответственного редактора этой газеты, я спросил, почему он напечатал такой вздор. Он ответил: «У нас существует интерес к человеку». Я не удовлетворился и раздраженно сказал: «К его нижней половине». Редактор рассмеялся и решил утешить меня комплиментом: «У вас настоящий американский юмор».

Я записал несколько вопросов, которые мне задал репортер одной большой газеты; приведу их точно, сохраняя порядок: «На вас американский костюм или московский? Знает ли русский народ, что Америка ему помогала в годы войны? Как знакомятся москвичи с последними биржевыми курсами? Давно ли вы женаты? Почему у вас одна политическая партия, а не две? Поздно ли вы просыпаетесь? Почему вы хотите завладеть Албанией?»

Я убежден, что американский читатель почти всегда умнее газеты, которую он читает; но нельзя, вываливаясь ежедневно в грязи, оставаться чистым. Читатель глупой газеты поневоле глупеет. Позавчера он был насмерть перепуган испытанием атомной бомбы. Вчера, разочарованный, он говорил, что «Гильда» (так прозвали атомную бомбу) оскандалилась. Сегодня он огорчен гибелью коз и поросят при испытании бомбы—газета ему сообщила, что в честь погибших животных будет воздвигнут памятник. И он уже не думает, что, может быть, его детям грозит смерть от какой-нибудь «Гильды»...

***

Помимо бодрых деляг в Америке немало наивных мечтателей, благородных идеалистов. Я познакомился на Юге с инженером, видным изобретателем; он в свое время отказался от крупных денег, боясь, что изобретенная им машина для сбора хлопка лишит куска хлеба сотни тысяч батраков. Этот инженер сейчас отдает и деньги и время антивоенной пропаганде. В штате Теннеси я видел утопистов, которые недоедают, недосыпают, отдавая и свой заработок и силы фантастическому проекту создания «мирового правительства». В одном городе я напал на кружок чудаков, которые верят, что с помощью обновленного эсперанто можно обезвредить атомную бомбу. В сотнях городов существуют организации, выступающие против расового неравенства. Я рассказал о том, как состоятельные американцы торжественно жертвуют пятьсот или тысячу долларов. Было бы несправедливо умолчать о том, как бедные американцы отказываются от пары новых ботинок, чтобы послать гостинцы югославским детям. В этой огромной и юной стране рядом с жестоким цинизмом можно увидеть большую человечность.

Родилась американская интеллигенция. Она еще слаба и не уверена в себе; она как бы прячется от световых реклам, от оглушающих музыкальных машин в барах, от церковных проповедей с ссылками на торговые фирмы и анонсов торговых фирм с ссылками на библию; она прячется в отрицание, в грусть, которую я назову чеховской, иногда в усмешку, иногда в утопию. Я видел в провинции интеллигентов, которые, отталкиваясь от цинизма и сухости окружающей их среды, хандрят замыкаются в себе, часто спиваются. Им противно небо в световых рекламах «кока-кола», и они повторяют слова о «небе в алмазах». Они готовы подписать манифест о создании «мирового государства», готовы отдать все, что у них есть, любому юродивому или проходимцу. Они увлекаются романами Миллера, Сартра, Селина—им хочется очернить, оплевать, опорочить живую жизнь, потому что эта жизнь поворачивается к ним вставными зубами улыбающегося маклера.

Но среди интеллигенции все больше и больше смелых людей, которые поняли, что спасение не в бегстве от жизни, не в отторжении и не в одиночестве. Спасение в ином: нужно поднять духовный мир среднего американца на уровень той техники, которая его окружает от родильного дома до крематория.

***

Все внешние признаки высокой культуры в Америке налицо. Я был в университетских городах, видел замечательные лаборатории среди садов, видел, какой заботой окружены ученые; видел выставки, книжные магазины; бывал на концертах. Я все же осмелюсь сказать, что духовная культура Америки только-только рождается. Еще часто звезды Нового Света светятся отраженным светом; но мы уже видим начало самостоятельного свечения.

Американское кино, наряду с потрясающей пошлостью массовой продукции, дало ряд выдающихся мастеров. Чарли Чаплин—это любовь пяти частей света. Я видел прекрасные фильмы Форда, Майлстона, Мамульяна. Есть хороший простодушный юмор в фильмах братьев Маркс. Мультипликации Диснея — это поэзия, способная взволновать человека, из жизни которого из'ята всякая лирика.

Есть американская архитектура, сухая, порой бесчеловечная, но кровно связанная с нашей эпохой; это тоже вклад в мировую культуру.

Я очень высоко ставлю американских писателей: Хемингуэя, Фолкнера, Стейнбека, Колдуэла, некоторых других. Поражает отсутствие средней добропорядочной литературы: десяток крупнейших мастеров и тысячи производителей «чтива». С одной стороны, великолепный диалог Хемингуэя, с другой — рассказы в еженедельных журналах, которые настолько пошлы и глупы, что от них отшатнулся бы самый невзыскательный европеец. В Америке нет четырехэтажных или пятиэтажных домов. В провинциальных городах—тысячи одноэтажных домиков (веранда, качалка) и несколько небоскребов. Так и в литературе: очень хорошо или очень плохо.

Однако крупные писатели — не отщепенцы, не салонные отшельники, это люди, связанные с народом, даже если широкие читательские массы не читают их книг. Современные французские писатели странные темы, но все они поразительные рассказчики. Они могут презирать окружающую их среду, но они ее знают. Биография любого из них пестра, люди прошли через все. Стейнбек был батраком, Фолкнер — маляром и почтальоном. Это не отщепенцы, это люди, которые выражают сокровенные чаяния своего народа, его мечту о большом сердце, которое не способны заменить никакие сверхмощные моторы.

***

В жизни человечества Америка заняла крупную роль, и нельзя понять наш век, не поняв Америки. Ей посвящены сотни од и сотни памфлетов — легко ее превознести или высмеять, труднее ее понять. За сложностью техники порою скрывается душевная простота, а за этой простотой настоящая человеческая сложность.

Многие европейцы ограничивались тем, что высмеивали Америку за ее полудетский культ техники. Теперь те же европейцы подобострастно смотрят на осмеянных кузенов, надеясь получить от них старую машину или вышедший из моды костюм. Здесь не над чем издеваться и нечему льстить. Развитие Америки шло иным путем, нежели бытье старой Европы. Франция чуть ли не начала с готических соборов и с трубадуров. Америка начала с золотой лихорадки, с аптек-закусочных, с автомобилей. Она быстро достигла высокого уровня материальной культуры. Она напоминает человека с маленькой головой на большом мускулистом теле боксера.

Однако Америка — не застывший мир, она все время в движении. Вчерашние пуритане становятся запойными неврастениками, героями Хемингуэя. Дети баптистов и методистов читают «Нью-Йоркер»—сатирический журнал, высмеивающий «американизм». Вообще, так издеваться над Америкой, как это делают сами американцы, никогда не сможет ни один европеец. И в этом тоже залог роста. Я убежден, что американцы, проклинающие Америку, на самом деле страстные патриоты. Они — новые пионеры, их тоже трясет лихорадка, но не «золотая»—они ищут духовные ценности; им мало высоких домов, и если они смеются над этими домами, то не потому, что предпочитают хижины, а потому, что хотят высоких дум и высоких чувств. Я видел таких американцев, с любовью я их вспоминаю и, вспоминая их, говорю себе: есть у нас в Америке настоящие друзья.

Отрывки из книги «В Америке».

А. МАЦКИН

Полуправда очевидца

Недавно почти одновременно вышли в свет две книги, посвященные истории первой мировой войны: Воениз выпустил четвертое издание мемуаров генерала А. Брусилова, в очередном альманахе «Кубань» опубликованы главы нового романа А. Степанова о брусиловском прорыве — «Семья Звонаревых». Читатель, которому случится прочесть эти книги подряд одну за другой, с удивлением отметит, что, хотя оба автора пишут об одном и том же, картина исторических событий складывается в романе и мемуарах во всем, вплоть до мелочей, противоположная.

Роман А. Степанова начинается со встречи русской императрицы и Брусилова.

«— Вы готовы к наступлению, генерал? — спросила у Брусилова императрица Александра Федоровна в бытность свою в штабе Юго-Западного фронта.

— Еще не вполне, ваше императорское величество, — с почтительным поклоном ответил генерал....»

Императрица выспрашивает, генерал дает уклончивые ответы; аудиенция длится недолго и заканчивается холодными и церемонными поклонами. «На следующий день, — продолжает А. Степанов, — как только императорская чета уехала из Бердичева, Брусилов вызвал своего начальника штаба, генерала Клембовского, и начал диктовать приказ о немедленном переходе в решительное наступление всем армиям Юго-Западного фронта». «Так, — замечает А. Степанов, — был отдан приказ о знаменитом брусиловском наступлении весною 1916 года».

Но вот перед нами другой свидетель — генерал Брусилов. Он тоже описывает свою беседу с императрицей («Мои воспоминания», стр. 192). Читатель узнает, что: 1) императорская чета в штабе Юго-Западного фронта не была, 2) беседа, которую имеет в виду А. Степанов, происходила не в Бердичеве, а в Одессе и 3) со времени этой беседы до начала наступления прошло несколько недель.

Право исторического романиста на вымысел неоспоримо; в конце концов, быть может, и не так важно, где и при каких обстоятельствах происходила беседа Брусилова с русской императрицей. Но расхождение в версиях генерала и писателя имеет значение гораздо более существенное. Ведь речь идет о начале операции, изменившей весь ход первой мировой войны.

Чем руководствовался генерал Брусилов, диктуя приказ о наступлении? «Небольшая военная хитрость», — говорит А. Степанов и убеждает читателя, что Брусилов хотел ввести в заблуждение ставку и царствующий дом, не без основания подозревая их в измене. Улучив подходящий момент, он вызвал Клембовского, «лихо закрутил вверх усы, хитренько улыбнулся», и громадная военная машина пришла в движение. Надо обладать немалым запасом простодушия, чтобы соблазниться такого рода инсценировкой и не оценить действительные мотивы поведения Брусилова.

В самом деле, Брусилов в своей книге рассказывает, как в течение долгих недель он добивался права перейти в наступление, невзирая на препятствия, чинимые ему ставкой. Даже когда день «всеобщей атаки» был уже назначен, ее пришлось снова отложить по указанию верховного командования. Страницы книги Брусилова, посвященные подготовке прорыва, захватывают своим драматизмом. Крупнейший полководец, замечательный военный мыслитель вступает в конфликт со ставкой и с высшим генералитетом; один против всех он ведет длительную, изнуряющую борьбу. Наконец, он берет верх, но и после начала наступления чувствует себя одиноким и фактически оставленным без всякой поддержки на других фронтах. Брусилов наносит смертельный удар армиям Гинденбурга, но не может использовать свой успех, потому что при тогдашнем способе государственного управления, — говорит он, — «Россия выиграть войну не могла».

Реальная ситуация, подсказанная действительностью, не удовлетворяет А. Степанова; история кажется ему скучной и бесцветной, если она не окружена ореолом вымысла, и притом вымысла нисколько не усовершенствованного со времен «Королевы Марго».

Во время беседы с Брусиловым «императрица нервно теребит в руках свой шелковый носовой платок». Когда же до нее доходят сведения об успехе наступления, она (в заключительной главе) «со злости разорвала свой кружевной носовой платок» и «назвала Брусилова бесчестным обманщиком». А. Степанов дорожит такими альбомными виньетками, подчеркивая этим свое знакомство с закулисной стороной событий. Но в старом романе Дюма уже был кружевной платочек. Конечно, это не более чем случайное совпадение. Зато какая общность художественного метода!

Свои права романиста А. Степанов понимает столь широко, что не считает себя обязанным придерживаться фактов и дат, даже в тех случаях, когда они стали достоянием учебников и хрестоматий.

Генерал Брусилов пишет: «С рассветом 22 мая в назначенных участках начался сильный артиллерийский огонь по всему Юго-Западному фронту». А у Степанова мы читаем: «Днем 29 мая командиры всех батарей 102 артиллерийской бригады выезжают на детальную рекогносцировку» для выбора позиций в «предстоящих боях». У Брусилова уже целую неделю идут бои, а артиллеристы в «Семье Звонаревых» все еще выбирают удобные позиции.

Допустим, что все эти неточности, описки, ошибки, преднамеренные и бессознательные, будут исправлены в последующих изданиях. Станет ли от этого более достоверной та картина жизни русской армии периода брусиловского прорыва, которую дает А. Степанов в своем романе, приблизится ли она к подлинной исторической правде?

Вымысел писателя в «Семье Звонаревых» перемежается с реальными впечатлениями очевидца. А. Степанов служил в артиллерии во время первой мировой войны, и многое в его книге (вплоть до пейзажей юго-западной Украины, где происходили бои) могло быть написано только на основании личных наблюдений. Но в круг этих наблюдений входят преимущественно третьестепенные, малосущественные подробности; взятые вразброд, без изменений, так, как запомнились когда-то, они при всем своем правдоподобии в конечном счете образуют смутную, полную противоречий картину, то, что по справедливости Ключевский называл «полуправдой очевидца».

Читаешь «Семью Звонаревых» и непрерывно задаешь себе вопрос — какую цель ставил перед собой автор? Что, кроме рассказа о своей молодости (а в книге есть автобиографический элемент), предложил он нам, своим читателям?

Представьте себе молодого артиллерийского офицера, не очень искушенного в политике, поддающегося либеральным веяниям, благодушного от природы и к тому же оказавшегося на войне в весьма привилегированных условиях. Спустя почти тридцать лет этот офицер решает вернуться к прошлому и, чтобы сохранить подлинность рассказа, пишет о пережитом так, как будто его духовное развитие остановилось именно в те далекие времена.

Возможно, что в артиллерийских частях, где служил А. Степанов, действительно существовали патриархально-идиллические отношения между офицерами и солдатами, хотя поверить в это довольно трудно, возможно, что Степанову пришлось встретиться с солдатами, слепо выполняющими свой воинский долг и не задумывающимися о характере империалистической войны. Но ведь правда не в этом маленьком и узком опыте артиллерийского офицера. Правда в том, что описываемые события происходили менее чем за год до начала Февральской революции и что армия испытывала тогда жесточайший моральный кризис. А. Степанову кажется, что он описывает справедливую войну, в которой политические разногласия и классовые конфликты уступили место трогательному единомыслию господ офицеров и братцев-солдат; царская армия, таким образом, превращается в братство людей, занятых «служением высокой цели». Но ведь речь идет о войне, которую Ленин называл «разбойничьей».

История существует для А. Степанова только в той мере, в какой она соответствует его личному опыту; поэтому и то подлинное, что есть в романе, теряет сходство с действительностью. Истощив скудную почву своих наблюдений, он вынужден скрашивать их романтическим вымыслом, и тогда прошлое вторгается в современность, а современность гримируется под прошлое. Так в романе возникают, с одной стороны, «кружевные платочки», а с другой — фронтовая идиллия. Полуправда очевидца ведет А. Степанова к серьезной исторической неправде: вступив на путь модернизации истории, он путает патриотизм советского человека с официальным ура-патриотизмом царской России.

В соответствии с этой концепцией в романе Степанова появляется даже современная терминология: например, он довольно пространно рассуждает о так называемом «моральном факторе», обеспечивающем успех операции. Не будучи специалистом, трудно судить о том, насколько об'ективно описывает А. Степанов действия артиллерии в дни брусиловского прорыва. Но стоит сопоставить инструкции Брусилова, приложенные к его мемуарам, с данными Степанова, чтобы убедиться в том, что и здесь он расходится с историей, забегая на четверть века вперед.

А. Степанов идеализирует царскую военную машину, показывая ее как образцово действующую и организованную силу. Вообще война в «Семье Звонаревых» — нечто совершенно благодушное и безмятежное. Если герои книги и подвергаются увечьям, то это почти всегда пустяковые царапины; если врагу удается прорваться к каким-либо важным позициям, то стоит произвести небольшую перегруппировку сил, и положение вновь становится безукоризненным. Те бои, которые обошлись русской армии в тысячи солдатских жизней и которые ценой крови привели к действительно историческим победам, обесцениваются легкостью пера писателя. Жизнь на фронте похожа на дачное благополучие, солдаты жиреют от доброй пищи, офицеры ездят к сестрам в гости; флирт, милые беседы, дружеские встречи.

Знакомая читателю по «Порт Артуру» обворожительная блондинка Варвара Звонарева, поочередно именуемая то «ведьмочкой», то «хирургической балериной», как бы возглавляет все действие романа. Самое наступление брусиловских армий развивается с расчетом на то, чтобы Звонарева могла всюду поспеть на своем громыхающем мотоцикле, выслушать положенные ей любезности и совершить несколько удачных хирургических операций. Какая странная мысль — поставить в центре боевых действий эту тридцатилетнюю светскую даму, кавалериста по призванию, хирурга по профессии, совершающую рейды в тыл к врагу, героиню, которой восхищается весь фронт, начиная от рядовых солдат и кончая генералом Брусиловым.

В канун наступления офицеры-артиллеристы устраивают для под'ема духа солдат вечер самодеятельности. В степановской истории брусиловского прорыва это кульминационный момент. Подобно другому артиллерийскому офицеру, Льву Николаевичу Толстому, автор «Семьи Звонаревых» показывает свою героиню в сцене пляски. Танец Звонаревой должен вызвать в нас такое же чувство благоговейного восхищения, какое внушает нам описанная Толстым русская пляска Наташи Ростовой, проявившей глубокое понимание народной души и богатство в выражении своего чувства.

Потрясенный пляской фронтового хирурга капитан Борейко восклицает: «Ведьмочка... Ни Анна Павлова, ни Кшесинская не смогли бы соперничать с вами!»

В этой пляске принимают участие представители солдатской массы, что должно послужить к вящшему прославлению братской солидарности всех слоев армии. Автор придает такое большое значение танцам Звонаревой, что заставляет одного из своих героев, полковника Хоменко, просить ее поплясать и с пехотинцами. «После такой пляски, — говорит он, — солдаты, как черти, будут драться с немчурой». А художник Сологубенко, которому в романе принадлежит роль комментатора событий, ночью на досуге складывает сюжет новой картины — танцующая казачка в кругу чубатых, длинноусых запорожцев.

А. Степанов показывает войну в виде эффектного подвига, молодецкого предприятия, в общем — как доблесть вперемежку с галантностью. Он как бы исключает из своей книги всю сферу нравственного и духовного мира человека. «Семья Звонаревых» — это роман поступков, движений, физических действий, в котором герои низведены до уровня низших организмов, живущих, как правило, одной бессознательной жизнью, без всякого отношения к окружающему их миру. В нашей литературе последнего периода трудно найти произведение, которое с такой наглядностью, как «Семья Звонаревых», доказывало бы ту простую истину, что художник, если он хочет создать истинное произведение искусства, должен итти в уровень с передовыми идеями своего времени.

Книга А. Степанова вызывает у читателя странное ощущение старомодности и по своему стилю. Она отступает от установившегося уровня современной советской литературы. Читая «Семью Звонаревых», вдруг постигаешь, какая огромная перемена произошла даже в технике писательского труда за наши три десятилетия, насколько чище, тоньше и точней стал язык нашей так называемой «средней прозы». «Семья Звонаревых» возвращает нас к традициям той дореволюционной беллетристики, которая льстит и потакает слабостям человека, а самого его изображает в ореоле мещанского идеала. Герои романа из'ясняются в жеманно-фамильярном тоне, они сентиментально слащавы и неприятно развязны:

«— Вот уже четыре месяца, как я веду ожесточеннейшие атаки на ваше сердце, Татьяна Владимировна.

— И совершенно безуспешно, Александр Васильевич! Все ваши атаки и впредь будут отбиваться с огромными потерями для вас, — улыбнулась Ветрова.

— В ближайшее время я подвезу тяжелую артиллерию своей боевой славы, и вы принуждены будете сдаться на милость победителя».

Или такой пример интеллектуальной лирики:

«— Наша батарея пойдет рядом с вашим перевязочным пунктом, так как мы тоже пойдем за пехотой.

— Нет уж, избавьте хоть в наступлении от вашего общества.

— Как! Вы нас гоните? Подобное оскорбление смывается лишь... поцелуями, — наступал прапорщик на визжавшую от удовольствия Ирину».

Все эти милые прапорщики Бобы, соблазнительные сестрицы, опереточные полковники с горилкой и сивыми запорожскими усами, старослужащие солдаты, храбрецы и плясуны — весь реквизит старой бульварной литературы прямо-таки удручает в книге серьезного писателя.

Сергей ИВАНОВ

НЕУДАВШИЙСЯ ЗАМЫСЕЛ

Наш народ с уважением относится к запискам бывалых людей, просто и правдиво запечатлевших события, активными участниками которых они являлись. Вполне понятен огромный интерес к воспоминаниям о партизанских действиях в эпоху Отечественной войны.

По достоинству оценил читатель многие хорошие книги, написанные участниками партизанского движения, людьми, снискавшими себе заслуженную славу. Честь создания этих книг по праву делят с авторами их редакторы, помогшие людям, в большинстве непричастным до сего к литературе. Здесь роль редактора особо велика. Отмести все наносное, лишнее, нетипическое, освободить книгу от балласта,—в этом задачи редактора такой книги.

Редактор книги П. Червинского «Кровь за кровь» Б. Евгеньев забыл о словах Алексея Максимовича Горького, обращенных к редакторам: «Прежде чем сдавать рукопись в типографию, редактор должен внимательно прочитать ее: уверяю вас, граждане редакторы, что именно в этом ваша обязанность!» Б. Евгеньев отнесся к редактируемой книге безответственно, некритически. Издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу, подчас неправильно отражающую события, дезориентирующую молодого читателя.

Книга П. Червинского, как это явствует из авторского предуведомления, — «не повесть и не роман. Это записки партизана. В них нет вымысла и фантазии». Мы не сомневаемся, что автор — участник партизанского движения, многое видевший и переживший,—смог бы дать правдивый рассказ о «становлении партизанского отряда, о его первом рейде по тылам врага». Но такого рассказа не получилось. И вина здесь в основном падает на редактора.

Две фигуры являлись ведущими в любом партизанском отряде — командир отряда и комиссар. На эти роли отбирались самые лучшие, самые крепкие, самые целеустремленные люди, с огромной силой воли, мужественные, умные, умеющие не только храбро драться, но и правильно оценивать события, видеть перспективу, перехитрить врага. Это были подлинные вожаки народных мстителей, от умелого руководства которых во многом зависел успех партизанской борьбы. Командир и комиссар не подменяли друг друга, у каждого из них была своя сфера действий, они взаимно дополняли друг друга. Ярким примером такого содружества являются хотя бы Ковпак и его комиссар Руднев. Мы вправе были ожидать, что и в книге П. Червинского найдем правдивые образы командира и комиссара. Отряд, действия которого описаны в книге, создавался не стихийно, из людей, ушедших в леса при приближении врага, а был организован командованием Красной Армии для специальных действий в тылу врага. Естественно, что в таких условиях можно было выбрать достойных людей на посты командира и комиссара.

Для образа комиссара отряда Калиновского у П. Червинского нашлись довольно яркие краски. Но образ командира Кусова настолько снижен, что у читателя возникает законное недоумение: как можно было назначать командиром отряда человека, плохо знающего военное дело, безинициативного, теряющегося в мало-мальски сложной обстановке?

Это недоумение тем более понятно, что, рисуя первую встречу Калиновского с Кусовым, автор вселял надежду, что Кусов — подлинный боевой командир, вожак. Мы узнаем, что Кусов вызван командованием из танковой дивизии группы Рокоссовского. «На гимнастерке сияли два боевых ордена...». Но стоило отряду приступить к боевым операциям, как образ командира поблек. Комиссар фактически командует отрядом, он перенял все функции командира, Кусов лишь поддакивает комиссару.

Враги обнаружили местонахождение партизанского отряда. «Не теряя времени, надо появиться в новом месте, где немцы нас не ждут», — говорит комиссар Калиновский. «В таком случае будем выступать, кацо»,— соглашается командир Кусов. На пути отряда встретилось болото. «Болото проходимое, пойдем кратчайшим путем», — предлагает Калиновский. «Согласен, кацо», — отвечает Кусов. «Я вношу предложение переместиться с отрядом подальше от деревни... и провести разведку», — говорит Калиновский. «Я согласен», — отвечает Кусов. Калиновский предлагает изловить «языка». «Замечательная мысль, кацо!» — ответствует Кусов.

На протяжении всей книги мы не видим ни одного действия, предпринятого по инициативе командира. Мы не знаем ни одного его распоряжения. Когда надо наметить план очередной операции, командир неизменно обращается к комиссару: «Давайте наметим план действий на сегодня и на завтра», — и беспрекословно соглашается с планами, предлагаемыми Калиновским. Утро. Нужно поднимать партизан. Командир безмятежно спит. «Хаджисмел, вставай: двигаться пора», — будит его комиссар. Калиновский дает под'ем, Калиновский дает отбой, Калиновский разрабатывает планы операций, Калиновский возглавляет партизан в бою. Командир неприч ем, словно он —пустое место. И когда комиссар с частью отряда уходит на операцию, он тщательно, словно малого ребенка, инструктирует командира, как следует тому поступать. В ночь перед важной операцией опять-таки Калиновский проводит всю подготовку к ней, командир же беззаботно спит.

После того, как Кусов был убит, на его место назначают капитана Недоспелова. И его мы не видим, опять комиссар затмевает командира. Вступает в должность командира Шпилевой, но и он, в описании П. Червинского,—столь же пустая фигура, как и первые два командира. Вся роль Шпилевого заключается в том, чтобы ждать, «какое решение предложит Калиновский». «Шпилевой, — пишет автор, — не вносил никаких изменений в предложения комиссара и всякий раз в ответ на эти предложения лишь утвердительно кивал головой».

Снижая роль командира отряда, П. Червинский допускает неправильное, политически неверное освещение расстановки сил в партизанских отрядах.

Но не только в искажении образа командира отряда заключается серьезная ошибка П. Червинского и его редактора. Вот присылают в отряд, формирующийся, как мы уже сказали, на «большой земле», переводчика Леву Мирбаха. «Переводчик Мирбах с первого раза не понравился Калиновскому. Больше того — Калиновский как-то невольно насторожился». Но читатель насторожился раньше комиссара. Как же так? В партизанский отряд, перебрасываемый для серьезных операций в немецкий тыл, назначают переводчиком немца, «эмигрировавшего» из гитлеровской Германии. С первого же появления в отряде Мирбах ведет себя так, что читателю сразу ясна его шпионская физиономия. Казалось бы, следовало немедленно арестовать шпиона. «Умный» комиссар поступает, однако, не так. Он решает «Леву в отряд взять, держать его при штабе», чтобы, «поймав ниточку, размотать весь клубок». Странное, мягко выражаясь, решение — брать с собой заведомого шпиона, рискуя гибелью отряда. Повидимому, автор хотел придать книге особую занимательность, введя этот мотив, уместный в детективных произведениях.

Многое видел автор книги в тылу врага, видел зверское обращение немцев с советскими людьми, казни, пытки, издевательства, насилия, видел много горя, слез, несчастья. Об этом автор пишет в своей книге. Но мы не найдем в ней изображения героической борьбы простых советских людей, оставшихся на временно захваченных врагом территориях, о сопротивлении их оккупантам. Советские люди, оставшиеся на захваченной врагом территории, представлены в книге главным образом как жертвы.

Такова, например, Поля, сражавшаяся в рядах Красной Армии и попавшая в плен к немцам.

Излишне натуралистично переданы все те насилия, которым подверглась девушка. Только униженной показана Поля, в ней нет и следа человеческого достоинства, присущего советским людям.

Много страниц посвящено подробному изображению немецких публичных домов, описаниям всевозможных любовных историй самих партизан. Немцы изображены слабыми, глупыми, неумелыми, и это снижает значение героической борьбы народных мстителей.

«Помощь начинающим авторам, — читаем мы в передовой журнала «Большевик», — должна оказываться путем товарищеской критики, компетентных советов и указаний, а не путем публикации незрелых произведений. Редакции журналов — не почтовый ящик. Надо отбросить негодную практику, поощряющую и допускающую литературный брак, и вести твердую линию на отбор произведений действительно талантливых и зрелых, вполне заслуживающих того, чтобы их предложить вниманию советского читателя» (№ 19, за 1946 г.).

Этим следовало бы руководствоваться издательству «Молодая гвардия».

П. Червинский. «Кровь за кровь». Изд. «Молодая гвардия». М. 1946.

А. КУТОРКИН

Сборники мордовской литературы

Недавно вышли в свет два альманаха мордовской (эрзянской и мокшанской) художественной литературы под одним и тем же названием «Победа». Во время Отечественной войны также были изданы два аналогичных сборника «Мы победим» (правда, только на эрзянском языке). Новые альманахи, несмотря на гораздо больший об'ем и, может быть, лучшее оформление, по качеству значительно им уступают.

Отсутствие элементарного литературного вкуса у редакторов Мордовского государственного издательства и стремление напечатать побольше «именитых» писателей привели к тому, что альманахи в большинстве составлены из случайного материала. Есть, правда, произведения, представляющие интерес. Это — начало второй книги романа В. Коломасова «Лавгинов», сказы Ф. Беззубовой и рассказы Р. Федькина, И. Прожина, стихи П. Кириллова, И. Шумилкина, Н. Киржайкиной, М. Лукьянова, М. Бебана, Г. Пьянзина и И. Чигодайкина, но, к сожалению, это все. Куда больше недоброкачественных произведений.

В первом из «Вечерних рассказов» Н. Эркая «Сергей Заяц» автор повествует: «Сергея Зайца позвали на войну. Он не был молод, но в армии не был ни разу. Дети у него были большие, семья большая. Когда они сели всей семьей за свой широкий стол, Сергей теплыми словами вспомнил своих умерших родителей и всех покойных предков». На войне Сергей Заяц мгновенно превращается в необычайно храброго человека. Другой рассказ Эркая («Нехристь») полон вздохов о прошлом.

Читатель не верит ни прошлому, ни настоящему, выдуманному Эркаем. Честней поступил бы Никул Эркай, автор «Вечерних рассказов», если бы перед тем, как печатать негодную стряпню, сел «всей семьей» за свой широкий стол и вспомнил бы теплыми словами не «умерших предков», а... живых читателей.

И «Рассказ раненого» В. Радина — не украшение альманаха. Пулеметчик, от лица которого идет повествование, раненный в спину и левую руку, «повернул оглобли назад» и, набредя на комбата, раненного в голову, схватил комбата правой рукой, в которой был ручной пулемет, и с этим двойным багажом уполз в ближайший лес, чтобы на досуге помечтать о питьевой воде. Вот и все содержание.

Чем же «радует» читателя мокшанский альманах? «Иван Казаринов» А. Карасева схематическая и неряшливая скоропись. В «Материнском благословении» М. Бебан надседливо, формалистически варьирует материал, заимствованный из фольклора.

В рассказе «Саманька», напечатанном В. Радиным во втором выпуске сборника «Мы победим», автор утверждает, что народы Поволжья от монголо-татарского ига освободил не русский народ, а мордовочка Саманька, преподавшая Грозному науку победы.

Клеветой на советскую гвардию являются стихи Н. Эркая «Слово ночью перед боем» (сборник «Избранная лирика»). В них, по словам поэта, гвардейцы, перед тем как отправиться в победный бой, то чарками, то общим ковшом вливали в себя «благословенное вино крепкое, которое умножает наши силы», помня, что:

Кто из общего ковша не пьет,
Не умеет по-настоящему воевать.

Приведенными примерами не ограничивается число неудач мордовских писателей. Только недостаточной идейной требовательностью редакторов можно об'яснить выход в свет таких явно негодных сборников, как «Воспеваю жизнь» А. Моро, «Избранная лирика» Н. Эркая, «Сильный удар» Я. Пинясова и «Песня о победе» Э. Пятая.

Мордовские критики — проф. Ф. Советкин, Л. Кавтаськин и др. отстранились от оценки современных литературных явлений, поэтому в области мордовской литературной критики «кто палку взял — тот и капрал».

В сентябре состоялось собрание писателей, работников республиканской печати, представителей учебных заведений. Чтобы улучшить идейно-художественные качества литературных произведений, собрание предложило организовать в ССП Мордовии секции поэтов, прозаиков, драматургов и литературное об'единение для начинающих поэтов и писателей, пишущих на русском языке. Указывалось также на необходимость обсуждать каждое новое произведение писателя на расширенных заседаниях правления ССП или на совещаниях творческого коллектива. Собрание приняло ряд практических мероприятий, дающих возможность поднять мордовскую литературу на уровень требований, которые пред'являются к ней партией и народом.

И. КРУТИ

ТЕАТР И ЕГО АВТОР

История общественного развития знает периоды, когда театр восставал против литературы, отказывался быть ее «слугой», пытался утвердить мастерство сцены как «искусство для себя». Это были эпохи декаданса, расцвета эстетского безидейного театра различных формалистических толков. Такой тип театра у нас невозможен. У нас невозможен, как это было в России XIX века, и театр одного актера, искусство которого выражало бы основную, главную тему общественных настроений нашего столь сложного и столь величественного времени. Актер самой тонкой нервной организации и самой резко выраженной индивидуальности способен ныне осуществить свое призвание и раскрыть свой гений только в театре, как творческом единстве всех составляющих его элементов. После искусства, скажем, Москвина — искусства, созданного Художественным театром и создавшего Художественный театр, невозможен возврат к анархическому искусству одиночки Орленева. Полувековой опыт Художественного театра и вся сопутствующая ему практика передовых наших театров утверждают, что на смену отдельному актеру «своей темы» пришел, приходит, должен притти «театр своей темы»; на смену актеру, искусство которого выражало «веяние времени», пришло и приходит столь же глубоко и сильно выражающее дух времени искусство целых коллективов. Но такой театр предполагает гармоническое сотворчество сцены и современной драматургии, творческое их единение, исполненное взаимного доверия и глубочайшего взаимного уважения. Русский театр всегда глубоко и искренно чтил своих авторов, как художников слова, на деятельности которых зиждется прогрессивная идейность отечественной сцены.

История русского театра, в отличие от западного, не знает случаев, когда актеры препятствовали бы идейному, художественному и литературному прогрессу в области драмы, когда бы по вине актеров, из-за противодействия актеров, из-за равнодушия актеров не увидело бы света рампы какое-либо выдающееся драматическое произведение. Это французские актеры подняли на смех трагедию Вольтера «Эдип», а Дидро не мог найти среди них исполнителей для своей популярной впоследствии драмы «Отец семейства». Это немецкие актеры требовали, чтобы их имена не упоминались в критических статьях Лессинга. А знаменитая мадемуазель Марс грозила провалить пьесу и изводила Гюго придирками к стихам в «Эрнани» только потому, что никогда раньше не играла подобные роли и поэтому боялась за свою славу. У нас этого не было.

Между сценическим исповеданием Щепкина и театром Островского существовал, как известно, глубокий и непримиримый конфликт. Письмо Щепкина к А. Галахову с резким, точнее, грубейшим отзывом о «Грозе»—свидетельство непроходимой пропасти, лежавшей между состарившимся гением сцены и драматургом нового времени. Но воспитавший самого себя в великом уважении к драматическому искусству, снедаемый сомнением в справедливости своего неприятия драматургии Островского, старик Щепкин уезжает в Нижний-Новгород и здесь выступает в роли Любима Торцова, своим искусством испытывая и проверяя искусство Островского. Вот пример взыскательной совестливости художника, добровольно покорившегося требовательной нравственной необходимости «перешагнуть» через себя во имя будущего русского театра.

Идея, художественная воля, искусство автора всегда были высшим законом для русского театра. Вершинными произведениями нашей драматургии отмечен весь путь развития русского театра, причем плодотворными для театра всегда были только те его новации, которые были искомы, найдены, обнаружены и созданы в высших целях —в целях наиболее точного и полного воплощения новой для своего времени драмы. Это не означает, что традиция русского театра — быть пассивным выполнителем предначертаний пьесы, некоей «живой машиной» для произнесения авторского текста. Щепкин и Гоголь, Садовский и Островский, Станиславский и Чехов, Немирович-Данченко и Горький — они вместе искали, пробовали, находили и отвергали, чтоб вновь искать — как для пьесы, так и для сцены— самые точные, самые выразительные художественные краски, способные воплотить идеи автора о современной жизни. И Ленский утверждал: «Актер и драматург — два художника, взаимно пополняющие друг друга» Действительно, расцвет, высшие достижения русского театра относятся именно к тем периодам, когда он творит в полном идейном и художественном согласии с передовой драматургией эпохи. И в наше время мы знаем немало славных примеров совместной работы театров с драматургами. Так еще недавно обстояло дело в Художественном театре. Так дружески вдохновляет группирующихся вокруг него авторов Театр им. Ленинского комсомола. На такой же путь успешно стал Театр им. Ермоловой. Почему же случилось так, что во многих наших театрах спектакли на современные темы получаются серыми и мало художественными, как это отмечается в постановлении ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению».

Среди множества причин, мне кажется, должна быть указана еще и та, что идея о работе театра с автором, в том смысле, как она освящена всей, в том числе и советской, традицией русской сцены, на практике вырождается порою в полное подчинение драматурга, который якобы ничего не умеет, театру, который якобы все знает и все умеет. Это не узко профессиональная проблема, а одновременно — и организационный, и идейно-политический, и творческий вопрос, касающийся существеннейших сторон жизни современного театра. Ибо речь идет не о частных неудачах той или иной постановки того или иного театра, а о принципах театрального творчества.

«Говорят, что театр должен слушаться автора... А между тем, — утверждал Вл. Ив. Немирович-Данченко, — это может относиться только к такому театру, который довольствуется ролью исполнителя, передатчика, слуги автора. Театр, который хочет сотворить произведение через себя, тот не будет слушаться...» («Ежегодник МХАТ»). Обратите внимание: «сотворить... через себя». То-есть оплодотворить мысль, чувство, фантазию театра миром автора и только затем из этого, на основе этого творить свой спектакль.

«Я рассказал ему мою пьесу, — писал Горький Чехову о Вл. Ив. Немировиче-Данченко, — и он сразу, двумя-тремя замечаниями, меткими, верными, привел мою пьесу в себя. Все исправил, переставил, и я удивился сам — как все вышло ловко и стройно. Вот молодчина!»

И через 40 лет Немирович-Данченко, имея на это все права, не предписывает автору своей воли, а только стремится помочь ему привести его пьесу «в себя». «Вот не могу поймать... Да, да — я еще не поймал, но, кажется, я найду это», — повторял, по рассказам Н. Погодина, на репетициях «Кремлевских курантов» Немирович-Данченко, а когда он, наконец, «поймал», тогда третья картина пьесы стала первой четвертая — второй, а первая — третьей, тогда замысел автора обрел верное, то-есть наилучшее из всех возможных драматургическое решение, причем идея и стиль Погодина, его видение Ленина, его видение эпохи, его лиризм и юмор остались жить в спектакле во всей их первородной сущности.

Так, в лучших созданиях Художественного театра всегда осуществлялся один из основных принципов его искусства: «взять сущность и от сущности итти». Так, часто в спорах и столкновениях с авторами театр приводил «в себя» и их пьесы, и свои спектакли.

Театр в этих случаях не стоял над автором, а шел вровень с ним. Но вот перед нами случай, так сказать, обратного порядка, случай из практики Художественного театра самых последних лет.

«Офицер флота». Следовало ли пассивно, «непротивленчески» воспроизвести на сцене пьесу А. Крона со всеми ее действительными и мнимыми недостатками? Очевидно, нет. Но путь, избранный для этого театром, кажется принципиально неверным. Рационализм автора театр вздумал преодолеть собственными рационалистическими домыслами, вместо того, чтобы растворить его в поэтической атмосфере спектакля. Свойственное Крону морализирование могло стать пафосом спектакля, однако только при том условии, что в спектакле прозвучит то, что составляет основу основ пьесы. Это зерно— встревоженная совесть патриота, остро переживающего напряженную атмосферу в осажденном и борющемся Ленинграде. Эта атмосфера обостряет чувства Горбунова, торопит его сформулировать свои заветные мысли, родит в нем нетерпеливый и злой задор, заставляет его облечь свою боль и тревогу в строгие формулы советских военных нормативов. За видимым рационализмом Горбунова должен был раскрыться неразличимый сразу темперамент человека, горячее сердце гражданина, бойца, офицера. Тогда военная профессия и воинская философия Горбунова стала бы производным от его характера, а не наоборот, как это имеет место в спектакле.

Театр же пошел не от сущности пьесы, не творил «через себя», а шел «от себя»: он сокращал пьесу, переставлял куски, изменил последнюю картину, изобретал «оправдывающие» мизансцены, т. е. сделал все возможное, чтобы добиться психологически оправданной «обтекаемости» представления там, где все должно было быть угловатым, острым, колючим. Конечно, автор участвовал во всех этих «пластических операциях» над пьесой. Но с каким чувством? А в результате, перед нами — не спектакль пьесы Крона и не спектакль мхатовского искусства в полную меру его сил и возможностей.

Из массы фактов неуважительного отношения к творчеству современного автора я потому избрал спектакль Художественного театра, чтобы показать: это «бытовое явление» в жизни некоторых театров распространилось в известной мере даже на ту сцену, которой наша драматургия столь многим обязана. Нетрудно себе представить, что происходит с иными пьесами в других театрах, менее требовательных к своему искусству и поэтому более уверенных в своей непогрешимости.

Старые театралы помнят волнующий спектакль пьесы В. Катаева «Время, вперед!». «Отчий дом» даже стилистически близок к этому давнему произведению писателя. Это первая у нас, после разгрома врага, пьеса, воспевающая первые шаги восстановления. Я видел спектакль «Отчий дом» в Казанском театре юного зрителя. Это было даже не скромное, а очень бедное по сценическому оформлению представление. Театр не закрыл глаз на недостатки пьесы и отказался от некоторых второстепенных сцен, имеющих весьма слабое отношение к ее генеральной теме. Но зато самой темой театр был глубоко взволнован. Очень горько было видеть, во что превратили фашисты дома наших людей. Мы вместе с героями пьесы переживали трудности восстановления. Мы радовались каждой вновь появившейся мелочи быта. Мы восхищались скромными подвигами людей, творящих жизнь там, где только что прошла смерть. Это было как раз то, что написал Катаев и что составляет душу этой его, конечно же, несовершенной пьесы.

Почему же эта самая пьеса в сценическом истолковании столичного Театра драмы произвела столь неприятное впечатление? Потому, что Московский театр драмы, достойный всяческой похвалы за интенсивную работу над советской драматургией, на этот раз отнесся к пьесе Катаева только как к «материалу» для некоего режиссерского упражнения в «театральности». Театр превратил пьесу в повод для дешевых «трюковых» мизансцен и для демонстрации лишенной всякого внутреннего смысла актерской «игры с вещами» и без вещей. Лишенный гражданского, идейного пафоса, спектакль рассыпался на мелкие кусочки, каждый из которых должен был вызывать смех, а на деле все эти вместе взятые «кусочки» вызывали только недоумение. В этом представлении не было ни правды жизни, ни правды пьесы, ни правды искусства. Пьеса на серьезную тему обернулась пустопорожней комедией. Так был скомпрометирован автор, и непонятно, почему В. Катаев без протеста отдал себя на публичное растерзание режиссеру В. Власову.

На этой же сцене можно увидеть и другой пример пренебрежения пьесой и ее смыслом. Ю. Глизер восхитительно играет в спектакле «Обыкновенный человек», но... играет не то, что написано автором. Сценическое поведение актрисы сплошь и рядом противоречит смыслу авторского текста. Иначе и не может быть, раз в пьесу Леонова незаконно ворвалась, не претерпев при этом никаких изменений, наша старая, двадцатилетней давности знакомая мадам Скобло из глебовской пьесы «Власть». У Леонова Констанция Львовна тем страшнее, пакостнее, низменнее, чем больше в ней внешнего благородства, умело разыгранной скромности, глубоко скрываемого алчного стяжательства. Она «работает» тонкими методами. Такую нелегко раскусить, и она действительно способна отравить иную честную душу. А то, что делает Глизер—это холодный фейерверк острых вариаций на тему «гадина». После двухминутного ее пребывания на сцене об этой Констанции уже все известно, и просто удивительно, как ее сразу же не выгнали из этого дома и зачем нужно было Леонову отводить ей так много места в своей пьесе. Да, Глизер иначе не умеет и не может играть. Такова стихия ее оригинального и острого эксцентрически-бытового искусства. Таков ее стиль. Но такое исполнение, наряду с игрой В. Любимова, недопустимо опрощающей сложный образ Дадыгина, наряду с бессодержательной игрой К. Пугачевой, делает спектакль бесстрастным. А Леонов, представленный бесстрастным художником, это, конечно, бессмысленный вздор. Не измеренное мыслью и стилем автора актерство сузило идейные масштабы пьесы и обеднило искусство, с которым она написана. Но что говорить об авторах-современниках, если даже Горький в своевольных руках режиссера выглядит в спектакле «Мещане» на сцене Малого театра Метерлинком?!

Так, на театре нетрудно разглядеть симптомы самоотравления ядом... театра. И сказывается эта болезнь раньше всего в безбрежной самоуверенности иных режиссеров и актеров, которые считают «хорошим тоном» распоряжаться произведением современного драматурга, как им заблагорассудится. Каково же самочувствие автора, если за спиной его неотступно маячит этакий театральный полубог, горделиво ему нашептывающий: «Все равно ты не умеешь, все равно у тебя получится плохо... Это я, театр, все знаю и все умею, а тебе быть и остаться моим учеником, тем худородным кроликом, из которого я сотворю некое великолепное театральное рагу»!

«...Отображать в пьесах и спектаклях жизнь советского общества в ее непрестанном движении вперед, всячески способствовать дальнейшему развитию лучших сторон характера советского человека» — этого требует от современного театра партия. Театр в силах ответить на это требование, только будучи вдохнов

НА СОБРАНИЯХ ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

Обсуждение произведений Н. Асеева, В. Урина и А. Недогонова

Первое в этом сезоне собрание секции поэтов ССП СССР было посвящено стихам Н. Асеева. Вера Инбер, открывая собрание, говорила о больших задачах, стоящих перед советской поэзией в связи с огромным трудовым размахом в стране, реализующей новую сталинскую пятилетку. Ответ товарища Сталина на вопрос президента американского агентства «Юнайтед Пресс», г-на Хью Бейли о том, что для восстановления разрушенных войной районов в СССР понадобится 6—7 лет, указывает, какая грандиозная работа предстоит советским людям. Какой же целеустремленной, идейной и вдохновенной должна быть наша поэзия для того, чтобы труд поэта был достоин титанического труда народа.

Вера Инбер подчеркнула, что предстоящий год должен быть прожит особенно плодотворно, чтобы поэты могли достойно притти к великой дате тридцатилетия советской власти.

Затем слово было предоставлено Н. Асееву. Он познакомил собравшихся со стихами послевоенного времени и отрывками из поэмы «Курская аномалия». Кроме того, Н. Асеев прочел несколько стихотворений из книги «Пламя победы», но в их первоначальном варианте, а не в том сокращенном и упрощенном, по общему мнению, виде, в каком они появились в сборнике. Эти стихи Н. Асеев привел для полемики с Б. Соловьевым, автором напечатанной в «Литературной газете» критической статьи «С позиций звездочета», которой Асеев уделил едва ли не большую часть своего выступления.

Писатель вправе не соглашаться с мнением критика. Но существуют разные формы спора с ним, например, ответная статья в той же или в какой-либо другой газете, написанная самим автором или его творческими единомышленниками. Вполне уместно ставить вопросы поэтической критики и на творческой секции, если именно этой теме посвящено собрание. Но неправильно превращать в судилище аудиторию, собравшуюся послушать новые стихи поэта. Об этом говорили Ф. Левин и Вера Инбер, упрекнувшие поэта в нетерпимом отношении к критике и излишнем полемическом запале.

Бездоказательны и голословны были выпады Н. Асеева по адресу руководства «Литературной газеты», прерываемые председателем собрания.

В развернувшихся прениях была дана положительная оценка новым стихам Н. Асеева и особенно отрывкам из поэмы «Курская аномалия». Здесь, по мнению А. Барто, есть та влюбленность в тему, которой отмечена замечательная поэма «Маяковский начинается», но которой не чувствует читатель в стихах о войне.

Трудно предсказать, говорили выступавшие, как будут развиваться и решаться в дальнейшем идейная и сюжетная линии поэмы, но судя по начальным главам, это тот органический для автора материал, который в большинстве случаев определяет творческую удачу. Выступавшие критиковали статью Б. Соловьева за некоторую тенденциозность в отборе цитат.

—В поэзии Н. Асеева военных лет,—говорил А. Коваленков, — есть такие прекрасные произведения, как «Мальчик большеголовый» или поэма об Урале, есть и менее удачные дидактические стихи. Б. Соловьев в своей статье приводит лишь наиболее слабые строки, хотя он мог бы и в дидактических стихах найти положительные примеры.

Почти все выступавшие, возражая против отдельных положений статьи Б. Соловьева, подтвердили основной ее тезис: военные стихи Н. Асеева в большинстве своем слабее его поэтических возможностей. В годы войны его голос был заглушен голосами многих других советских поэтов, для которых военная тема была более органичной.

Подводя итоги обсуждению, Вера Инбер выразила общее мнение собравшихся, что новые стихи и особенно начало поэмы Н. Асеева — несомненная удача поэта.

***

Творчеству В. Урина и А. Недогонова было посвящено очередное собрание секции поэтов. Поэтический темперамент В. Урина, его стремление к разнообразию тем и сюжетов, на которые он непрестанно наталкивается в жизни и которые он тотчас же спешит претворить в стихи, — все это совершенно противоположно внутренне собранным, сжатым стихам А. Недогонова с его своеобразием изобразительных средств, с точностью в отборе слов.

Так охарактеризовали особенности творчества В. Урина и А. Недогонова участники обсуждения В. Перцов, П. Антокольский, А. Барто, С. Михалков, Л. Ошанин и др. Обоих молодых поэтов об'единяет то, что они формировались и мужали в дни Великой Отечественной войны, — подчеркнул П. Антокольский.

Наиболее удачными из десяти новых стихотворений, прочитанных В. Уриным, были признаны «Андижан» и «Пролог». Из произведений А. Недогонова больше всего понравились собравшимся отрывки из поэмы и стихотворение «Лилии».

В. Урину и А. Недогонову указали на конкретные недостатки прочитанных ими произведений. В. Урин в погоне за разнообразием сюжетов часто не успевает продумать и осмыслить их. Это ведет к неряшливости в языке и сводит зачастую интересную тему к темпераментному репортажу. В груде неорганизованного материала тонут удачные строки. В. Урину необходимо внимательнее прислушиваться к критике, так как недостатки его первых поэтических опытов, на которые ему указывали еще года два назад, присутствуют и в его новых стихах.

Заслуженную отповедь Веры Инбер встретило выступление С. Гудзенко, взявшего на себя смелость заявить от имени молодых поэтов, что их не интересуют-де «частные» замечания о погрешностях стиля и неряшливости языка и что они ждут от квалифицированных поэтов иных методов обсуждения их творчества. Такая защита интересов молодых поэтов — медвежья услуга им и свидетельствует о пренебрежении к критике и необоснованной самоуверенности С. Гудзенко.

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ

На снимке — во вновь открытой «комнате писателя» книжной лавки издательства «Советский писатель» (справа налево): А. Симаков — заведующий «комнатой писателя», режиссер Н. Горчаков (сидит), писатель С. Иванов и директор книжной лавки А. Волынский.
Фото Л. Доренского (Фотохроника ТАСС).

«Современник ваш, о котором изволите упоминать в письме к А. Н. К., слава богу, здравствует и продолжает посещать книжную лавку Смирдина ежедневно...» — пишет в письме к баснописцу Дмитриеву Пушкин. «Что дети мои и книги мои?» — вопрошает он в одном из писем к жене.

Книга — верный спутник писателя. Мне кажется поэтому, что книжная лавка должна быть кровным детищем Союза писателей. 15 лет назад, в доме на Моховой, которого ныне уже не существует, открылась такая лавка. В пестрой своей биографии, переходя от Союза писателей к «Федерации», от «Федерации» к «Советскому писателю», книжная лавка по временам полностью утрачивала облик писательской лавки, по временам восстанавливала его. Ныне она восстанавливает этот начальный свой облик. Поэт Хвостов в день новоселья книжной лавки Смирдина «сделал от лица своей Музы» следующее приветствие:

Ты нам Державина, Карамзина— из гроба
К бессмертной жизни вновь, усердствуя, возвал
Для лавра нового, восторга и похвал.

За 15 лет существования нынешняя книжная лавка писателей помогла созданию не одной писательской библиотеки: не один писатель находил на полках в писательской комнате бесценные материалы для своих работ, для своих библиофильских пристрастий.

Книжная лавка должна быть тесно связана с другими городами. В Хабаровске, например, энтузиасты-дальневосточники издают большую антологию «Русские писатели о Дальнем Востоке». Им нужны книги, и при этом редкие, и конечно, именно лавка писателей должна помочь дальневосточникам. Все, что нужно писателю для его работы, для пополнения его библиотеки, обязана найти ему лавка писателей. Неправильно, что лавка уклоняется от приобретения периодики, столь необходимой для литературоведа.

До войны за работу лавки отвечали писатели. Совместно с издательством «Советский писатель» они оберегали ее традиции. Война нарушила этот порядок, который, конечно, должен быть восстановлен. Когда-то даже витрины лавки становились периодическими выставками, приуроченными к знаменательным литературным датам. Книга, приобретенная лавкой писателей, должна в первую очередь пройти через руки писателя и только после этого поступить в общую продажу. Редкая книга не может быть уподоблена «ходовому товару». Она должна дождаться своего покупателя,— только так на протяжении всей своей истории строилось книжное дело. Книжная лавка должна не только регистрировать требования писателя, но и быть его советником и помощником. Добрым словом поминали прославленные русские собиратели книг — Барсуков, Ефремов, Бартенев, Чертков, Бурцев или Ульянинский — то поколение книжников и букинистов, которое помогло им собрать их замечательные библиотеки. Впоследствии эти собрания книг, целиком переданные государственным хранилищам, стали достоянием народа.

Первым посетителем и покупателем книжной лавки должен стать писатель, ибо, перефразируя старую пословицу «Письменному и книги в руки», кому же, как не писателю, «книги в руки»? Я вспоминаю великого книголюба Горького, который, уже тяжело больной, за несколько дней до смерти прислал в книжную лавку очередной список нужных ему книг.

Вл. ЛИДИН.

Экслибрис книжной лавки писателей.

«Прения по докладу не состоялись»

ЛЕНИНГРАД. (**От наш корр.**). «Послевоенный рассказ» — так была сформулирована тема собрания ленинградских прозаиков. Однако обсуждению этой темы помешал... доклад Т. Трифоновой о послевоенном рассказе. Построенный на элементарных и общеизвестных положениях, на случайных примерах и оценках, доклад не удовлетворил писателей и не мог стать материалом для творческой дискуссии.

О рассказах, написанных в последнее время ленинградскими поэтами—В. Рождественским, В. Шефнером,—говорил А. Розен. Вопросы жанра и конструкции рассказа затронули в своих выступлениях Л. Вайсенберг и И. Эвентов. Все эти вопросы, как указали В. Друзин и И. Бражнин, подводя итоги собрания, требуют серьезного обсуждения.

Поэты, критики, литературоведы были приглашены на собрание, в повестке которого значились доклад проф. В. Мануйлова «Современная тема в советской поэзии» и содоклад Б. Лихарева «Ленинград в советской поэзии». Но изменив почему-то тему, указанную в повестке дня, В. Мануйлов посвятил свой доклад общим задачам поэзии. Доклад изобиловал историко-литературными экскурсами, в весьма слабой степени касался творчества ленинградских поэтов. Б. Лихарев отказался от содоклада. Прения по докладу не состоялись. Участники собрания ограничились замечаниями или короткими репликами.

Опыт первых собраний прозаиков и поэтов свидетельствует о необходимости более продуманной подготовки этих обсуждений. Если бы бюро творческих секций заранее помогли докладчикам насытить доклады конкретным и острым материалом, итоги собраний были бы более значительными.

Восстановление памятных мест литературной старины

Немецкие оккупанты, вторгшись на нашу землю, со звериной злобой уничтожали дома, музеи, памятники, которые так свято оберегал наш народ.

С первых же дней изгнания врагов с советской земли началось восстановление памятных литературных мест.

Ниже мы публикуем сообщения о восстановительных и реставрационных работах.

«ДОМИК ЧЕХОВА»

Восстановлен и реставрирован музей «Домик Чехова» в Таганроге. Здесь в январе 1860 года родился великий русский писатель.

В музее воспроизведена обстановка детских и юношеских лет Антона Павловича. Здесь хранится аттестат зрелости, выданный Чехову в день окончания Таганрогской гимназии, собраны картины, принадлежавшие его семье. Вокруг домика разбит вишневый сад.

Восстановлен Чеховский литературный музей, в котором собрано много книг из личной библиотеки писателя. На многих книгах — дарственные автографы Толстого, Горького, Андреева, Короленко и других писателей. В залах музея представлены многочисленные издания книг Чехова.

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА

В пушкинских местах предстоит восстановить Святогорский монастырь и могилу Пушкина в Пушкинских горах, домик няни и здание Пушкинского музея в селе Михайловском и другие заповедные места, связанные с памятью поэта. Одновременно намечен план восстановления Александровского дворца и здания лицея в г. Пушкино (б. Царское село), которые переданы Академии наук СССР. В Александровском дворце будут размещены Пушкинский музей, Музей истории литературы и архив Института литературы. В лицее будет находиться Институт литературы (Пушкинский дом). Реставрируются комнаты, в которых жили Пушкин и его лицейские друзья, и актовый зал лицея времен Пушкина.

МУЗЕЙ Н. А. НЕКРАСОВА

В Ленинграде на фасаде одного из домов на углу улицы Некрасова и Литейного проспекта укреплена мемориальная доска. В этом доме 20 лет жил и работал Н. А. Некрасов.

Недавно в комнаты на втором этаже, где находились квартира поэта и редакция журнала «Современник», пришли строители. Начался ремонт помещений, значительно пострадавших во время войны. Здесь будет музей Н. А. Некрасова.

Сотрудники Института литературы Академии наук СССР собрали материалы, которые позволят придать комнатам прежний вид. Слой за слоем в комнатах снимались обои в поисках тех, которые были здесь во времена Некрасова. На одной из стен удалось найти остатки этих обоев. Они оказались наклеенными на листы газеты «Голос» за 1867 г.

Будет также реставрирован редакционный кабинет и спальня поэта, в которой он скончался.

За неделю

ПРИЕМ ПОЛЬСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ В ССП СССР

В Союзе советских писателей СССР состоялся прием в честь польских литераторов, приехавших в Москву в составе делегации Общества польско-советской дружбы. В числе гостей—редактор общественно-литературного журнала «Кузница», критик и публицист Стефан Жулкевский, редактор органа крестьянских писателей «Деревня» Ян-Александр Круль, беллетрист и поэт Тадеуш Голуй—автор исторического романа «Испытание огня» и недавно вышедшего сборника «Стихи из концлагеря», критик Леон Гомулицкий и другие.

Гостей приветствовал К. Симонов.

С сообщением о подготовляемой в Польше к печати антологии русской поэзии от Державина до наших дней выступил Л. Гомулицкий.

Сообщение о выпускаемой Гослитиздатом антологии современной польской поэзии сделал член редколлегии антологии М. Живов.

В обсуждении работы по изданию обеих антологий приняли участие С. Жулкевский, Я. Круль и другие. По предложению К. Симонова решено установить обмен художественными произведениями и критическими статьями.

ЛЕКТОРИЙ ДЛЯ ПИСАТЕЛЕЙ

Вчера в Московском клубе писателей открылся лекторий. После вступительного слова Л. Субоцкого проф. М. Баскин прочел лекцию на тему «Диалектический материализм — мировоззрение марксистско-ленинской партии».

В программе лектория — пять циклов.

Писатели прослушают лекции по философии, эстетике, логике, о стратегии и тактике большевистской партии. Специальный цикл лекций посвящен политике нашей партии в области литературы и искусства.

ОТКРЫТИЕ ДОМА ПИСАТЕЛЯ им. МАЯКОВСКОГО

ЛЕНИНГРАД. (**От наш. корр.**). В праздничные дни впервые после войны полностью возобновил свою работу Дом писателя им. Маяковского. Завершены капитальный ремонт и реставрация клубных помещений, пострадавших в период блокады.

На первом клубном вечере было много литераторов, а также артистов, художников, композиторов, ученых.

Торжественное заседание открыл ответственный секретарь ЛенССП Л. Браусевич. Затем состоялся большой концерт. Помимо официального конферансье программу концерта весело и остроумно вела группа писателей—Е. Шварц, М. Дудин, Е. Рывина, А. Флит.

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР М. ГОЛУБКОВОЙ

В Московском клубе писателей состоялся творческий вечер сказительницы Маремьяны Голубковой.

С большим интересом выслушала аудитория исполненный М. Голубковой сказ о Ленине.

После краткого сообщения писателя Н. Леонтьева о творческой работе М. Голубковой артисты В. Фунтикова и П. Галина прочли отрывки из неопубликованного повествования М. Голубковой «Оленьи края» и из автобиографической повести «Два века в полвека».

ИССЛЕДОВАНИЕ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

В издательстве «Советский писатель» вышла книга А. Еголина «Освободительные и патриотические идеи русской литературы XIX века». В книге четыре главы: «Всемирное значение русской литературы», «От декабристов до Герцена», «Революционеры-разночинцы» и «Движение самих масс».

В предисловии к книге А. Еголин пишет: «Русская литература явилась могучим фактором в борьбе за свободу народа, независимость родины и великие освободительные идеалы человечества. Отмечая классовый характер общественной позиции рассматриваемых писателей, автор свое основное внимание сосредоточивает на ведущих идеях эпохи и отражении их в литературно-художественном творчестве... Конкретное освещение эпохи дворянских революционеров дано на материале творчества Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Герцена; эпохи разночинцев — на материале творчества Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина; эпохи массового движения—на материале творчества Л. Толстого, Г. Успенского, Златовратского, С. Каронина, Мамина-Сибиряка, Чехова, М. Горького».

ВЕЧЕР СОВЕТСКОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вечер советской еврейской литературы состоялся 14 ноября в Политехническом музее. Открывая вечер, И. Добрушин отметил, что более пятидесяти еврейских советских писателей во время Великой Отечественной войны сражались в рядах Советской армии. Тридцать из них пали смертью храбрых.

Многочисленная аудитория с интересом слушала чтение писателями своих произведений. В вечере приняли участие Д. Бергельсон, А. Вергелис, С. Галкин, Л. Квитко, А. Кушниров, М. Тейф, З. Телесин, И. Фефер, Э. Фининберг.

ПАМЯТИ ЛУ-СИНЯ

В Московском Институте востоковедения состоялся организованный кафедрой китайского языка и редакционной коллегией газеты «Шэн-ли» («Победа») вечер памяти великого китайского писателя-демократа Лу-Синя, умершего десять лет назад.

Доклады о жизни и творчестве Лу-Синя были сделаны на русском и китайском языках.

На вечере был прочитан «Дневник сумасшедшего» Лу-Синя, впервые переведенный на русский язык Л. Поздневой, и лучшие переводы рассказов Лу-Синя, сделанные студентами старших курсов.

В институте организована выставка книг Лу-Синя на китайском языке и в русских и английских переводах.

ФЕЛЬЕТОНЫ И ПАРОДИИ Я. САШИНА

На очередном собрании секции драматургов ССП СССР поэт Ян Сашин прочел произведения, написанные им в последнее время: два фельетона в стихах на международные темы, литературные фельетоны («Жестокий талант», «Несовременная идиллия» и др.) и литературные пародии на Л. Леонова, В. Шкловского, И. Сельвинского, С. Кирсанова, Л. Мартынова.

Положительную оценку получили пародии. Достоинство большинства произведений Я. Сашина — использование трудных стихотворных приемов, ритмическое разнообразие, версификаторское искусство и т. д. Фельетоны на международные темы по общему мнению недостаточно политически заострены.

Выступивший во второй части вечера А. Чикарьков прочел четыре своих рассказа, из которых два — чуть ли не десятилетней давности. Незначительные по своему содержанию рассказы А. Чикарькова были резко осуждены присутствующими.

В президиуме ССП Украины

КИЕВ. (**От наш. корр.**). Президиум ССП Украины заслушал доклад о работе издательства «Радянський письменник» в 1946 году. О плане на 1947 год рассказал директор издательства Я. Башмак.

В этом году будут выпущены 44 книги. Это составляет 84 проц. годового плана издательства (в листах). В будущем году выпуск книг значительно увеличится и почти достигнет довоенного уровня. Предполагается издание десяти первых сборников молодых поэтов — В. Лисняка, И. Глушенко, Н. Тихого, М. Руденко и др. Возобновляется прерванное войной издание украинской «Библиотеки поэта».

— Несмотря на большие трудности с полиграфией на Украине, — говорит Я. Башмак, — нашему издательству передана одна из мощных украинских типографий, которая полностью сможет обеспечить выпуск художественной литературы. Выполнение издательского плана зависит теперь от писателей, от их творческой активности.

В обсуждении доклада приняли участие И. Ле, М. Рыльский и др.

Информационный доклад о подготовительной работе по созданию «Краткого курса истории украинской литературы» сделал директор Института литературы им. Шевченко акад. А. Белецкий.

Докладчик познакомил присутствующих с принципами построения этой книги, над проспектом которой он сейчас работает.

Отмечая огромное значение создания «Краткого курса истории украинской литературы», М. Бажан внес предложение выделить группу писателей, которая детально ознакомится с проспектом и доложит свои замечания президиуму.

Президиум утвердил иностранную комиссию ССП Украины в составе: Л. Первомайского (председатель), М. Бажана, М. Рыльского, И. Ле, А. Гозенпуда (секретарь).

Отчетно-выборные заседания

ТБИЛИСИ. (**От наш. корр.**). Состоялись отчетно-выборные заседания прозаической, драматической, критической и детской секций Союза советских писателей Грузии.

На собрании секции прозы с докладом выступил Д. Шенгелая, который говорил о плане и системе работы секции.

Собрание утвердило план работы секции и избрало бюро.

На собрании драматургической секции с докладом выступил председатель секции И. Вакели.

— У наших драматургов, — сказал докладчик, — было много ошибок. Причина этих ошибок кроется в слабом знании действительности. Существенным недостатком является и то, что работники наших театров редко встречаются с драматургами. Театры интересуются лишь готовыми пьесами и не помогают их созданию.

В прениях приняли участие тт. Ш. Дадиани, Д. Бенашвили, К. Каладзе, С. Мтварадзе, В. Габескирия, М. Джапаридзе, С. Авчиян, Г. Бердзенишвили и др.

Собрание избрало бюро секции.

С информацией о дальнейшей работе секции поэтов выступил К. Чичинадзе. Утвержден план работы и избрано бюро.

Детская секция ССП Грузии также утвердила план работы и избрала новое бюро.

У писателей Литвы

ВИЛЬНЮС. (**От наш. корр.**). Правление ССП Литвы организует творческие командировки писателей на стройки республики и в восстанавливаемые города.

***

В Вильнюсском клубе писателей состоялось обсуждение пьесы Р. Янушкевичеке «На заре» и произведений Т. Тильвитиса: поэмы «Пахари» и сатиры, написанной в период немецкой оккупации—«Поэмы села Любое».

***

Избрано новое бюро секции молодых писателей Вильнюса, в которое вошли тт. Пактурна, Урбонавичюс и Марукас. Готовится к изданию альманах. Еженедельно проводятся творческие вечера начинающих писателей.

Антология украинской советской поэзии

КИЕВ. (**От наш. корр.**). К 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции Государственное литературное издательство Украины готовит «Антологию украинской советской поэзии за 30 лет».

Президиум ССП Украины утвердил редакционную коллегию антологии в составе: М. Рыльского, П. Тычины, Л. Первомайского, А. Малышко и М. Терещенко.

Об'ем антологии 30—40 п. л.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

✪ **Секретариат Союза писателей СССР утвердил** состав делегации на с'езд писателей Эстонской ССР, в которую вошли А. Караваева, П. Антокольский, К. Паустовский, В. Герасимова, А. Тарасенков, И. Альтман и Л. Тоом.

✪ **Герой Советского Союза П. Вершигора выступил** в ленинградском Доме писателя имени Маяковского и Доме культуры имени Горького. Он прочел новые главы из третьей книги своих записок «Люди с чистой совестью» и поделился воспоминаниями о партизанской жизни.

✪ **В Киевском клубе писателей состоялась** встреча с членами делегации Украинского общества культурной связи с заграницей—поэтом А. Малышко, народными артистами СССР И. Паторжинским и З. Гайдай, недавно возвратившимися из Канады и США.

✪ **Кабардинский обком ВКП(б) принял** решение об издании сборника кабардинского песенно-музыкального фольклора. Об'ем сборника 20 печатных листов.

✪ **Состоялось общее собрание Об'единения театральных критиков при Всероссийском театральном обществе.** На собрании избрано Бюро Об'единения, в которое вошли Г. Бояджиев, А. Гурвич, Ю. Юзовский, М. Григорьев, А. Мацкин, И. Крути, С. Дрейден, И. Альтман, В. Ермилов. Председателем Бюро избран Г. Бояджиев. Разработан план ближайших работ Об'единения. Совместно с Бюро секции драматургов ССП намечен ряд мероприятий по реализации постановления ЦК ВКП(б) об улучшении репертуара драматических театров.

✪ **В Институте мировой литературы Академии наук СССР** состоялся 14 ноября доклад Ю. Юзовского о пьесе А. М. Горького «Старик».

✪ **Русская секция ССП Узбекистана готовит к** печати сборник стихов русских поэтов, живущих в республике.

✪ **Союз советских писателей Карело-Финской** ССР создал литературные об'единения при журнале «На рубеже», редакции газеты «Молодой Большевик» и при альманахе «Пуналиппу».

✪ **В новый состав Куйбышевского отделения** ССП избраны Н. Задонский, Н. Тиханов, Н. Борисов, С. Копечкин и Н. Вишнев.

✪ **Гослитиздат выпустил книгу стихов и поэм основоположника татарского реализма Габдуллы Тукая.** Книга издана под редакцией С. Липкина. Тираж 25 тыс. экз.

✪ **Литературно-художественный сборник «Из пепла пожарищ»** — о возстановлении Воронежа, разрушенного немецко-фашистскими захватчиками—выпустило Воронежское областное издательство.

✪ **Издательство «Молодая гвардия» выпускает** в ближайшее время 50-тысячным тиражем книгу **«Веселый театр», предназначенную для детской** художественной самодеятельности. В книге напечатаны пьесы С. Маршака «Кошкин дом» и «Теремок», написанные по мотивам русских народных сказак.

Памяти М. Д. Оськина

На 56-м году жизни скончался директор Литфонда СССР Михаил Денисович Оськин.

Выходец из бедной крестьянской семьи, Оськин с 12-летнего возраста работал на заводах и фабриках. В 1909 г. вступил в партию.

Старый большевик, профессиональный революционер, крупный партийный и советский работник, он прошел большой и содержательный жизненный путь, отмеченный безграничной преданностью делу Ленина—Сталина. Человек кристальной чистоты и большевистской принципиальности, в течение свыше пяти лет он руководил Литфондом СССР и, благодаря внимательному и чуткому отношению к людям, завоевал глубокое уважение и любовь как в писательской среде, так и у сотрудников Литфонда. Деловая сторона его деятельности гармонично сочеталась с той сердечностью, которая столь необходима в осуществлении таких сложных и ответственных задач, как удовлетворение насущных материальных нужд литератора. И эта атмосфера сердечности была внесена им и в работу возглавляемого им коллектива.

М. Д. Оськин неоднократно избирался в районные советы и в Моссовет, был делегатом XVI с'езда ВКП(б), членом Президиума МКК ВКП(б) и членом партбюро и парткома Союза советских писателей.

Участник Великой Отечественной войны, М. Д. Оськин оставил по себе светлую память в сердцах многих тысяч защитников Родины, находившихся на излечении в тех госпиталях, где он был комиссаром.

После демобилизации М. Д. Оськин вернулся на прежний свой пост директора Литфонда СССР.

Он умер на трудовом посту, ни на один день не прерывая, несмотря на предостережение врачей, свою напряженную и плодотворную работу.

Смерть М. Д. Оськина — тяжелая утрата для всей писательской общественности.

А. Фадеев, М. Храпченко, И. Альтман, А. Андросов, Н. Вирта, В. Вишневский, Б. Горбатов, Е. Долматовский, М. Елкина, А. Корнейчук, О. Леонидов, Л. Леонов, С. Маршак, И. Новиков, Ф. Панферов, А. Сурков, И. Попов, А. Ратницкий, Б. Ромашов, К. Симонов, Е. Струков, А. Твардовский, Н. Тихонов, З. Улина, К. Федин, Г. Хесин, В. Шкловский.

Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, Е. КОВАЛЬЧИК, В. КОЖЕВНИКОВ, С. МАРШАК, Д. ПОЛИКАРПОВ, Л. СОБОЛЕВ, А. СУРКОВ (отв. редактор).

А. ИСБАХ

«ЗНАКОМСТВО С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ»

Интерес к жизни Советского Союза, к советской экономике, науке, искусству растет во Франции с каждым днем. Десятки книг советских писателей переводятся на французский язык. Видные французские исследователи посвящают свои работы советской культуре. Парижский культурный и экономический центр «Франция — СССР» (Centre culturel et économique France — URSS) поставил своей задачей ознакомить французских читателей с культурной жизнью Советского Союза. Этой задаче должны служить сборники «Знакомство с СССР».

Первый сборник, вышедший недавно в Париже*, отвечает на многие запросы французских читателей. В первом томе помещены статьи об Академии наук СССР, о литературе, театре и науке.

Еще в 1935 г. на происходившем в Париже международном конгрессе писателей в защиту культуры писатель-театровед Леон Муссинак, говоря о задачах литературы, искусства, о роли писателя в обществе, о значении советской литературы, заявил: «Писатели, которых мы любим, становятся для нас поистине великими, как только их участие в революции делается сознательным, как только благодаря количеству и характеру тех, кто их читает, они глубже уходят в революцию; как только они начинают понимать, что нет более великой, более истинной свободы, чем та, которую дает окончательный выбор...» Муссинак говорил о необходимости крепкой связи писателя с народом, с массами, той связи, которая существует в СССР.

Эти слова Леона Муссинака вспоминаются при чтении его статьи о театре, включенной в сборник «Connaissance de l'URSS».

Говоря о развитии советского театра, о больших его успехах, Леон Муссинак связывает эти успехи с развитием социалистического строя. Леон Муссинак особенно подчеркивает ту помощь, которую оказывает театру, режиссерам, актерам, драматургам советское государство и советская общественность. Муссинак пишет об истинной свободе художника в Советской России, свободе художника, органически, идейно связанного с общей борьбой за социализм. Он подробно говорит о шефстве рабочих и военных организаций над театрами, о рабочей критике, о воспитательной роли театра. Приводя выступления Станиславского, Таирова и других советских режиссеров и деятелей театра, Муссинак рассказывает о том, как были связаны театральные теории, многочисленные художественные искания с самой жизнью, говорит о путях реализма в театре. Особое место в статье Муссинака занимает тема массового искусства, художественная самодеятельность, проблема воспитания новых актеров. Немало места уделено также национальным театрам.

«Каждый гражданин в Советском Союзе, — заканчивает свою статью Муссинак, — может сказать о театре: «Это наш театр».

Большое место в сборнике «Знакомство с СССР» занимает статья о литературе, принадлежащая перу крупного французского ученого слависта академика Андрэ Мазона. Андрэ Мазон — автор книг о Гончарове, о Тургеневе. Мазону принадлежат капитальные исследования о видах русского глагола. Свою статью, помещенную в сборнике, Мазон озаглавил: «Литературное наследство Советского Союза». Это очерк, в котором значительное место занимает тема освоения наследия классиков. Мазон пишет о традициях русской литературы, о Пушкине, Радищеве, Лермонтове, Чаадаеве, Герцене, Тургеневе, Толстом, рассказывает французским читателям о Горьком, о той любви, которую питают к своим классикам советский народ и советские литераторы. Вторую часть своего очерка Андрэ Мазон посвящает развитию советской литературы.

В статье есть и ошибки и упущения. Мазон не говорит о великих русских критиках, о Белинском, Добролюбове, Чернышевском. Есть несомненные из'яны в характеристике литературных групп, существовавших в первые годы советской власти, и оценке творчества отдельных писателей. Однако это, несомненно, статья исследователя, который правильно показывает органическую связь советской литературы с лучшими традициями русской классической литературы, статья исследователя, который говорит о необходимости тесной связи между писателем и народом. Эту связь подчеркивает Андрэ Мазон, характеризуя творчество Горького. О пути писателя к революции говорит он также, характеризуя творческий путь Александра Блока. В оценке творчества Л. Толстого широко приведены ленинские характеристики.

Когда читаешь статью Андрэ Мазона, невольно сопоставляешь ее с другой статьей о советской поэзии Эмманюэля Рэ, опубликованной в пятом номере журнала «Эспри» («Esprit») от 1 мая 1945 года. В этой статье Эмманюэль Рэ, стремясь проанализировать пути советской поэзии, обнаруживает и недостаточность знаний и непонимание ряда общественных явлений. Эмманюэль Рэ пишет: «Революция — явление политического порядка. Поэзия народа есть выражение его вечного «я». Она следует своим путем, и этот путь не должен совпадать и не совпадает непременно с политическим путем того же народа». С таким подходом к явлениям литературы связана восторженная характеристика данная Эмманюэлем Рэ декадентской поэзии.

Подобная оценка русской поэзии глубоко чужда смыслу русской поэзии и не находит сторонников в среде лучших представителей французской литературы, выступавших против декаданса, понимавших высокое значение идейности и народности советской литературы и советской поэзии. Теме истинной связи советской поэзии с народом посвятил одно из своих последних выступлений Анри Барбюс в октябре 1934 года.

«Можно сказать, — говорил Барбюс, — что все советские писатели являются борцами. Это самое характерное для них. Сегодня с вопросом «искусство для искусства» должно быть покончено самым решительным образом... Только тогда, когда художник запечатлеет на полотне эпохи общественного человека, члена коллектива, когда он сможет использовать могущественное орудие, — литературу.. для блага всех, а не только для забавы и выгоды немногих, только тогда можно достигнуть нового и большого этапа в истории искусства и мысли».

Андрэ Мазон в своей статье подробно говорит о роли Владимира Маяковского в советской поэзии, о большой идейной силе поэта революции.

Андрэ Мазон показывает, как традиции Маяковского стали традициями современной советской поэзии. Говоря о советской поэзии в годы Отечественной войны, Мазон подчеркивает, что поэмы, стихи и рассказы Константина Симонова, Леонида Первомайского, Бориса Горбатова и других были сильны потому, что они писались в огне борьбы, что авторы их были не только литераторами (gens de lettre), но и людьми, которые сражались, которые сумели выразить свои переживания в словах простых, ясных, точных, взволнованных, в словах, к которым прислушивался весь народ.

Сборник «Знакомство с Советским Союзом» проникнут большой симпатией к нашей стране и к ее культуре. Кроме статей, посвященных искусству, в сборнике помещены большая статья профессоров Эжена Обеля и Жака Николя об Академии наук СССР, статья доктора Жюстина-Безансона о климатических станциях Советского Союза, о постановке лечебного дела, статья доктора Пьера Жоржа об открытии новых залежей руд в восточных районах Советского Союза. Все эти статьи раскрывают перед французским читателем громадные возможности советской экономики, техники, огромное значение науки в Советском Союзе.

Несомненно, что сборник «Знакомство с СССР» сыграет свою роль в укреплении культурных связей между Советским Союзом и Францией.

* «Connaissance de l'URSS». Premier volume. Editions «Hier et Aujourd'hui». Paris. 1946.

УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

ОБ'ЯВЛЯЕТ КОНКУРС

на написание пьесы для драматических театров республики

УСЛОВИЯ КОНКУРСА: в конкурсе имеют право участвовать все граждане СССР. Пьеса должна быть написана на материале современной Карелии, на материале жизни и борьбы карело-финского народа с оккупантами в период Великой Отечественной войны и в период восстановления и развития народного хозяйства.

ЖАНР ПЬЕСЫ произвольный, по усмотрению автора.

ФОРМА ПЬЕСЫ (стихи, проза и пр.) свободная, по выбору автора.

За лучшие пьесы устанавливаются три премии:

1-я тридцать тысяч рублей;

2-я двадцать тысяч рублей;

3-я десять тысяч рублей.

Премированные пьесы становятся собственностью Управления по делам искусств, и автору, кроме премии, выплачивается установленный авторский гонорар.

Постановка премированной пьесы в каком-либо ином театре ранее театров Карело-Финской ССР не разрешается.

Срок представления пьесы на конкурс — первое мая 1947 г.

Пьесы должны быть представлены под девизом, вместе с этим в особо запечатанном конверте должна быть записка с настоящим именем автора и с подробным его адресом.

Рукописи обязательно должны быть напечатаны на машинке, и направлять их следует по адресу: г. Петрозаводск, п. Ленина, 20, Управление по делам искусств при Совете Министров КФССР с надписью — «На конкурс».

Начальник Управления по делам искусств при Совете Министров КФССР **Колосенок.**

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19. (Для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: критики — К 4-76-02, литератур братских республик — К 4-60-02, искусств — К 3-37-34, информации и писем — К 4-26-04, издательство — К 3-19-30.

Б07023. Типография «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7. Зак. № 2801.